Ц 225/660

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И РИСУНКАМИ.

И. Ф. РЫНДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

ИВАНА СЕРГѢЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

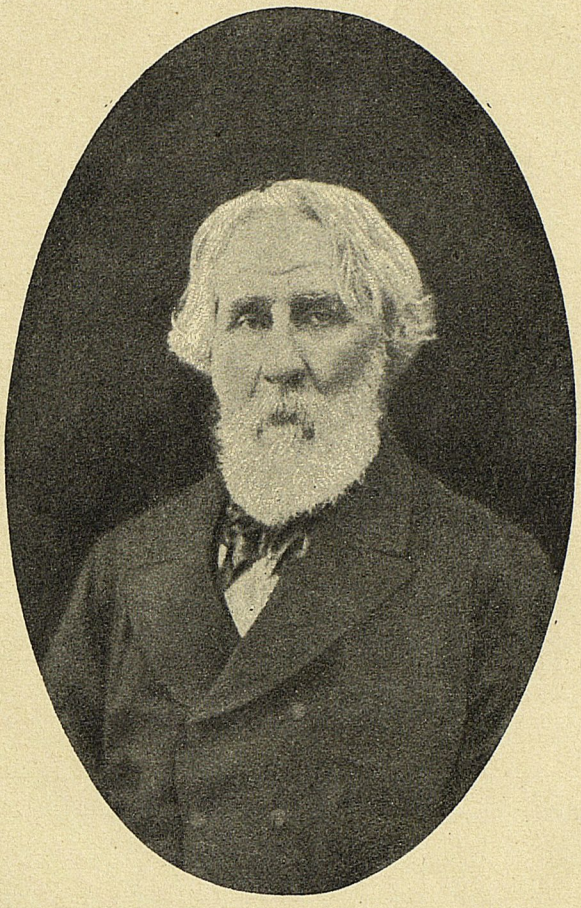
СЪ ПОРТРЕТОМЪ И РИСУНКАМИ.

И. Ф. РЫНДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Дозволено цензурою 25-го іюля 1903 г. С.-Петербургъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
29158-44



ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ОТЪ АВТОРА.

Быстро течетъ время, и вотъ 22-го августа 1903 года исполнилось уже ровно 20-ть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ испустилъ свой послѣдній вздохъ нашъ землякъ, геніальный художникъ слова, незабвенный Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, а между тѣмъ, какъ ни прискорбно, а надо сознаться, что ничего еще не сдѣлано на его родинѣ для увѣковѣченія имени этого великаго человѣка, если не считать безплатной Тургеневской библіотеки—читальни, пріютившейся въ одной изъ глухихъ улицъ города... да и это существуетъ, благодаря только нѣсколькимъ лицамъ, а городъ къ ней не имѣетъ ровно никакого отношенія.

Между тѣмъ значеніе этого тонкаго толкователя красотъ бѣдной природы средней Россіи, проповѣдника любви и прощенія между людьми, глубокаго ума въ смыслѣ пониманія и анализа внутренняго міра русскаго крестьянина и природы человѣка вообще, защитника и рыцаря русской женщины, требуетъ несомнѣнно своего реальнаго проявленія для назиданія грядущимъ поколѣніямъ.

Геніальный романистъ, пропѣвшій отошедшему въ вѣчность строю русской общественной жизни такую чудную захватывающую все лучшее въ человѣкѣ пѣснь, какъ «Дворянское гнѣздо», творческимъ окомъ глядѣвшій въ безконечную даль грядущаго, своими безсмертными твореніями и собственнымъ примѣромъ пріобщилъ русскую мощь къ европеизму.

Безсмертныя «Записки Охотника»,—этотъ живой протестъ противъ насилія и рабства—въ которыхъ такъ мощно вырисовались передъ русскимъ образованнымъ обществомъ и передъ всѣмъ міромъ типы, лица и образы тѣхъ, кто такъ несправедливо и жестоко страдалъ подъ игомъ крѣпостничества, и были одной изъ слагаемыхъ силъ, что заставили Россію сбросить съ себя это позорное для человѣка пятно.

Восхитительно граціозные созданные имъ поэтическіе образы русскихъ женщинъ—особенно такой грандіозно-невыразимый и весь благоухающій поэзіей вѣнокъ изъ Аси, Лизы, Наталіи и Елены—привилъ русскому обществу сознаніе о равноправности съ мужчиной русской женщины.

Время идетъ, а вмѣстѣ съ нимъ отходитъ въ область исторіи та обстановка, среди которой жили и дѣйствовали герои «Записокъ Охотника», но тѣ черты, которыя были подмѣчены творческимъ окомъ нашего безсмертнаго земляка, развивались и проявлялись, сообразно требованіямъ развитія и движенія впередъ.

То, что бродило только въ умахъ героевъ Тургеневскихъ романовъ и повѣстей съ необыкновенной силой и энергіей начало разработываться и примѣняться, лишь только съ высоты престола раздался властный призывъ. На этотъ призывъ горячо отозвалась вся интеллигенція, и работа закипѣла и поставила Россію не въ смыслѣ только численности населенія и пространства, но и устройствомъ государственной жизни наряду съ другими европейскими государствами.

Весь укладъ русской общественной жизни, накопившійся въ твореніяхъ Тургенева, вылился и въ устройствѣ гласнаго судопроизводства, земства, городскомъ самоуправленіи, всеобщей воинской повинности и въ самое послѣднее время въ уничтоженіи круговой поруки.

И вотъ теперь внуки Хоря, Калиныча, Касьяна, Бирюка и прочихъ персонажей «Записокъ Охотника» на всѣхъ ступеняхъ русской дѣйствительности: они и въ низшей, средней и высшей школахъ, они и доктора и инженеры, они и двигатели русской промышленности и торговли.

Внучки героинь повѣстей и романовъ пророка уклада русской жизни принимаютъ уже въ ней дѣятельное и горячее уча-

стіе, окропляя, словно животворной росой, человѣческій умъ движеніями беззавѣтно любящаго сердца.

Въ послѣднюю турецкую войну онѣ чуть не чудеса проявляли въ качествѣ сестеръ милосердія. Передъ постелью умирающаго солдата являлись онѣ дѣйствительно ангелами: всѣми фибрами своего существа чувствовалъ умирающій святость и искренность ихъ подвига и подъ вліяніемъ этого совершенно примиренный, въ мгновенно поднятомъ сознаніи, безъ предсмертной тоски, отходилъ въ вѣчность... Это было въ періодъ войнъ. То же самое, если еще не въ большей степени, въ смыслѣ дѣятельности и упорности, проявлялось ими въ періоды общественныхъ бѣдствій: недородахъ, заразныхъ болѣзняхъ, когда во всѣхъ мѣстахъ страданія онѣ вели съ нимъ отчаянную борьбу, не уступая: однѣ гибли, другія приходили имъ на смѣну.

Это же самое происходитъ въ періоды мирнаго движенія впередъ. На всемъ громадномъ пространствѣ нашего отечества почти нѣтъ уголка, гдѣ не было бы молодого, полнаго силъ существа, которое, жертвуя силами, здоровьемъ, собственнымъ личнымъ счастіемъ, съ настойчивостію стремится вывести изъ мрака даровитаго русскаго человѣка въ качествѣ учительницы. Тутъ же онѣ въ качествѣ фельдшерицъ и акушерокъ знаніемъ и любовію ослабляютъ ужасныя страданія своихъ сестеръ при появленіи новаго существа на свѣтъ.

А языкъ произведеній Тургенева—изящный, тонкій, восхитительный, нѣжный, заставляющій дрожать въ человѣкѣ всѣ самыя сокровенныя лучшія струны его внутренняго міра. Современный крупный талантъ—Максимъ Горькій—такъ охарактеризовалъ языкъ Тургенева: «Читаешь Тургенева, словно густое молоко пьешь». Я съ своей стороны полагаю, что такого образцоваго языка нѣтъ ни у одного русскаго автора. Онъ—совершенная музыка словъ.

Какъ бы тамъ ни было—слагавшіяся ли обстоятельства воздѣйствовали на творчество Тургенева или его творенія—могучія и сильныя—двигали впередъ русское самосознаніе, но во всякомъ случаѣ онъ является могучею связью между прежнимъ укладомъ—темнымъ и мрачнымъ и часто потрясающе неспра-

ведливымъ—и зарею будущаго—свѣтлаго и радостнаго, рисуя перспективы грядущаго дня.

Поэтому на всѣхъ русскихъ вообще и на орловцахъ—его землякахъ—въ особенности, лежитъ невыплаченный долгъ.

Отличительная черта могучей фигуры маститаго романиста—любовь къ жизни—вотъ почему память о немъ не должна выразиться въ холодныхъ, хотя и въ гармоничныхъ, линіяхъ, а въ живомъ—для Орла въ устройствѣ народнаго дома его имени, 5—6 образцово поставленныхъ для бѣдныхъ дѣтей школахъ, въ названіи улицы, гдѣ находился домъ, въ которомъ онъ родился, его именемъ (при чемъ городское самоуправленіе обязано хлопотать въ установленномъ порядкѣ о томъ, чтобы на вѣчныя времена не было разрѣшаемо существованіе заведеній, одинаково позорящихъ какъ женщину, такъ и мужчину, на этой улицѣ, примѣръ чему видимъ въ Ростовѣ на-Дону), а для всей Россіи проникновеніемъ положеніемъ: «съ міру по ниткѣ» для отчужденія прекрасной усадьбы при с. Спасскомъ въ государственную собственность, куда каждый молодой человѣкъ—все равно мужчина или женщина—при развивающемся самосознаніи—стремился бы, какъ магометанинъ въ Мекку, посѣтить тѣ мѣста, гдѣ рѣетъ духъ этого геніальнаго человѣка, поглубже и сознательнѣе воспріять въ себя любовь къ людямъ, всепрощеніе, уваженіе къ женщинѣ.

Недалеко, вѣроятно, то время, когда слова нашего великаго земляка: «Я (природа) здѣсь царствую, а ты хлопочи, чтобы не умереть» сдѣлаются для общества девизомъ, но не въ эгоистическомъ смыслѣ, а въ альтруистическомъ. Разработка и примѣненіе этого принципа и будетъ предверіемъ въ царство мира, гармоніи, словомъ царства Божія на землѣ, которое должно же наконецъ наступить.

Ив. Рында.

С. Дубовикъ,
Орловскаго уѣзда.
Май 1903 г.

Біографическая замѣтка о Тургеневѣ.

Въ этотъ день, 20 лѣтъ тому назадъ, въ мѣстечкѣ Буживаль, близъ Парижа, послѣ мучительныхъ страданій, продолжавшихся почти цѣлый годъ, отошелъ въ вѣчность извѣстный всему образованному міру, геніальный художникъ слова Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы первый крикъ будущаго знаменитаго писателя раздался (почти 75 лѣтъ тому назадъ) въ одномъ изъ домовъ города Орла.

На насъ—орловцахъ лежитъ обязанность достойнымъ образомъ почтить двадцатилѣтнюю годовщину смерти земляка, который навсегда, покуда стоитъ міръ, отмѣтилъ въ художественной формѣ эпоху крѣпостничества и вдохновенной кистью истиннаго художника нарисовалъ картину Россіи, послѣ того какъ почти 60 милліоновъ ея сыновъ—по слову царя—сбросили съ себя иго рабства.

Чутьемъ истиннаго художника отыскивалъ онъ въ русскихъ людяхъ лучшія ихъ стороны, укрѣплялъ вѣру въ человѣка высокими идеалами своихъ произведеній — въ послѣдующее время.

Какимъ же образомъ въ душѣ поэта расло и укрѣплялось чувство любви къ родинѣ и человѣку?

Чтобы хотя отчасти выяснить это, необходимо бросить бѣглый взглядъ на его дѣтство и, главнымъ образомъ, на мать. Варвара Петровна, безспорно женщина очень способная, была въ полномъ смыслѣ неудачницею. Рано потерявши отца, она осталась на рукахъ матери, вскорѣ вышедшей вторично замужъ

за вдовца, который скоро возненавидѣлъ Вареньку, да и родная ея мать свою материнскую любовь перенесла на дочерей своего второго мужа. Если вообще для ребенка горько сиротство, то сиротство при живой матери еще горше, и Варенькѣ пришлось выпить до дна эту чашу.

Когда Варенька превратилась въ молоденькую дѣвушку, и, казалось, насталъ конецъ ея страданіямъ,—новая, на этотъ разъ уже страшная бѣда грозила ей: отчимъ начинаетъ преслѣдовать ее, и дѣвушка, спасая свою честь, должна была бѣжать изъ-подъ родительскаго крова зимнею ночью, почти раздѣтая... Пріютъ она нашла въ селѣ Спасскомъ, у своего дяди Ивана Ивановича Лутовинова, который, хотя и принялъ подъ свою защиту племянницу, но, отличаясь скупымъ и подозрительнымъ характеромъ, имѣлъ скорѣе отрицательное вліяніе на развитіе дѣвушки.

Жизнь, безъ просвѣта и радости, тянулась почти до 30 лѣтъ, когда умеръ ея дядя, и она сдѣлалась самостоятельною. Въ это время судьба посылаетъ ей сына сосѣдняго бѣднаго помѣщика, молодого красиваго офицера, въ котораго она страстно влюбляется. Но Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ женился на ней уступая только горячей просьбѣ своего отца. Представьте себѣ весь трагизмъ положенія жены: богатая, жаждавшая какъ можно полнѣе насладиться жизнью, она на каждомъ шагу замѣчала, что ласки, вниманіе красавца-мужа бросались на сторону, а на долю ея, доставались лишь крохи. Годы замужней жизни были для Варвары Петровны рядомъ оскорбленій и униженій.

Озлобленная Варвара Петровна старалась вымѣстить на окружающихъ всю горечь неудавшейся жизни. Чувствуя себя совершенно полновластною среди своихъ безотвѣтныхъ крѣпостныхъ, она дѣлала, что хотѣла, хотя въ ея дѣйствіяхъ не было послѣдовательной, идейной жестокости: сегодня, напримѣръ, она награждала какого-нибудь изъ принадлежавшихъ ей крѣпостныхъ, а завтра, повинуясь внезапно вспыхнувшему капризу, или отдавала въ солдаты, или же, оторвавъ отъ семьи, отсылала въ отдаленную деревню.

Неровностью отличались и отношенія Варвары Петровны къ собственнымъ дѣтямъ. О Сергѣѣ Николаевичѣ нечего говорить, такъ какъ онъ не имѣлъ ровно никакого вліянія на развитіе своихъ дѣтей, Ивана въ особенности.

Чуткаго по природѣ Ваню многія видѣнныя картины заставляли задумываться; мягкій и впечатлительный ребенокъ бѣжалъ къ обиженнымъ матерью и, къ удивленію своему, встрѣчалъ у нихъ и ласку и привѣтъ—пищу, въ которой такъ нуждается дѣтское сердце. Мало того, одинъ изъ дворовыхъ, самъ еле грамотный, началъ знакомить его, окруженнаго иностранными гувернерами, съ произведеніями русской словесности. Такимъ образомъ ребенокъ все тѣснѣе сближался съ крѣпостными. Это сближеніе еще болѣе увеличилось начавшей проявляться любовью къ природѣ: мальчикъ часто въ обществѣ «егерей» то ловилъ рыбу въ прудахъ, то ставилъ силки и пленки для птичекъ въ обширномъ спасскомъ саду—иногда же пробирался за предѣлы барской усадьбы благо мать все свое вниманіе сосредоточивала главнымъ образомъ на томъ, чтобы слѣдить за мужемъ. Многое началъ уяснять себѣ пытливый умъ ребенка во время этихъ экскурсій. И будущій художникъ, повинуясь врожденному стремленію къ красотѣ и правдѣ, все пытливѣе всматривался и въ дѣйствія матери и въ крѣпостныхъ—и тогда-то въ головѣ его начали сначала неясно, а потомъ все болѣе и болѣе ярче, возставать представленія о насиліи, несправедливости.

Равновѣсіе дѣтской души нарушалось, и онъ испытывалъ чувство нравственной боли, которая, доходя до своего апогея при видѣ картинъ, наблюдаемыхъ дома, умиротворялась подъ вліяніемъ звуковъ и красокъ внѣшняго міра. Мучимый сомнѣніями, съ неустановившимися еще понятіями, жаждая материнскихъ ласкъ онъ хотѣлъ любить мать, но ея поступки отталкивали его, и онъ бѣжалъ къ другой матери—природѣ, которая не отталкивала его, а напротивъ, убаюкивала и успокоивала. Красота и гармонія въ природѣ стройнымъ аккордомъ отозвались въ юной душѣ будущаго могучаго художника и пробудили въ немъ высшую степень проявленія человѣческаго духа—творчество.

Изучивъ природу своей родины во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, онъ далъ намъ правдивое и высоко-художественное ея изображеніе.

Какъ человѣкъ съ чуткимъ сердцемъ, Тургеневъ не могъ ограничиться возсозданіемъ картинъ одной лишь внѣшней природы—горе и счастье людей приковывали его вниманіе, особенно горе, картины котораго встрѣчались на каждомъ шагу въ ту тяжелую для народа эпоху.

Эти двѣ стихіи—человѣкъ и природа—всецѣло овладѣли сердцемъ Тургенева и, руководимый истинктомъ художника, онъ началъ воплощать въ рельефные образы и картины все истинно-типичное и глубоко поучительное, подмѣченное имъ въ его дальнихъ охотничьихъ скитаніяхъ, освѣщая свои чудныя картины свѣтомъ гуманности и идей справедливости. Тогда то появились передъ русскимъ обществомъ, уже жаждавшимъ обновленія, первыя страницы книги, отмѣтившей впослѣдствіи цѣлую эпоху въ жизни и литературѣ—то были «Записки охотника».

Въ своемъ письмѣ къ Венгерову, Тургеневъ замѣчаетъ, что сдѣлался непримиримымъ врагомъ крѣпостничества.

Это же самое онъ подтверждаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1852 году авторъ «Записокъ охотника» высланъ былъ изъ Петербурга въ Спасское, гдѣ и прожилъ безвыѣздно почти три года. Хотя ссылка послѣдовала за его знаменитое письмо по случаю смерти Гоголя, но на самомъ дѣлѣ это было только поводомъ—причина лежала гораздо глубже: она заключалась въ очеркахъ, въ которыхъ Тургеневъ выражалъ протестъ человѣка противъ сомнительнаго права помѣщиковъ надъ имуществомъ и жизнью крестьянъ.

Вынужденное пребываніе въ деревнѣ принесло огромную пользу для будущаго знаменитаго художника, что признаетъ и онъ самъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Но какъ только Иванъ Сергѣевичъ получилъ право выѣзда изъ свой деревни, онъ уѣхалъ въ Зап. Евр. и тамъ продолжалъ дѣло, начатое въ Россіи.

Сила впечатлѣній «Записокъ охотника» на читающій классъ заключалась въ томъ, что въ нихъ великій гуманистъ враждуетъ не съ помѣщиками извѣстнаго ему округа, и даже не съ помѣщиками вообще, а протестуетъ противъ самаго принципа крѣпостничества, не согласнаго съ высокимъ званіемъ человѣка.

Идея «Записокъ»—высшая художественная правда—прокатившись широкою волною среди образованнаго класса, достигла престола. Въ Бозѣ почившій Царь-Освободитель лично сказалъ Тургеневу въ 1867 году слѣдующія многознаменательныя слова: «Съ тѣхъ поръ, какъ я прочиталъ ваши «Записки охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Такимъ образомъ, нашъ землякъ, великій художникъ, своими «Записками» явился выдающимся дѣятелемъ въ ускореніи величайшаго историческаго момента русскаго народа—отмѣны крѣпостного права.

«Записки охотника» были оцѣнены по достоинству не въ одной только Россіи—Оксфордскій университетъ (въ Англіи) почтилъ Тургенева званіемъ «доктора обычнаго права».

Чуткая натура художника улавливала съ необыкновенною ясностью рельефныя явленія и движенія въ русскомъ обществѣ. «Записками охотника» Тургеневъ показалъ только силу своего творчества, которое во всей красѣ и мощи выразилось въ послѣдовавшихъ за ними романахъ, составляющихъ перлы русской литературы. Въ этихъ романахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются наиболѣе знаменательныя эпохи русскаго общества; вотъ эти романы: «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Наканунѣ» и «Отцы и дѣти».

Такъ какъ Тургеневу пришлось наблюдать, особенно вскорѣ послѣ эмансипаціи, нарожденіе особаго типа людей—«дѣльцовъ», то онъ, въ противовѣсъ имъ, выставляетъ въ своихъ повѣстяхъ цѣлый рядъ людей, облагороженныхъ и развитіемъ, и идеальными стремленіями, но не умѣющихъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Художественной обрисовкой такихъ людей онъ вызываетъ невольную симпатію къ нимъ и какъ бы указываетъ на лучшее будущее, когда эти, теперь «лишніе люди», сольются съ массой, внесши съ собою въ нее свое чувство изящнаго.

Указывая на могучій принципъ любви въ общечеловѣческой жизни, художникъ исходитъ изъ того положенія, что природа сурова, и законы ея непреклонны. «Ни одинъ листъ не дрогнетъ на деревѣ, если даже послѣдній человѣкъ исчезнетъ съ лица земли», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ чудныхъ произведеній. Это должны имѣть въ виду люди при своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ одномъ изъ «стихотвореній въ прозѣ» это положеніе даже возводится въ формулу: «Любовь сильнѣе смерти, даже страха смерти». Формула эта подходитъ къ опредѣленію св. апостола Павла: «Богъ любы есть»; такимъ образомъ творчество сливается съ религіей. Еще болѣе достойно вниманія, что художникъ, указывая человѣчеству эту формулу, въ то же время и самъ проводитъ ее въ жизнь. «Сегодня—тотъ, завтра—я»,—какъ же не сострадать къ своему ближнему,—и кто изъ насъ безгрѣшенъ; кто имѣетъ право строго судить другого?» — пишетъ Ив. С. къ брату своему Николаю 23 марта 1872 года, по поводу Н. Тургенева (ихъ родственника), находящагося въ больницѣ. Завѣтъ Тургенева не лишнее вспоминать теперь, когда «дѣльцы» ошибочно полагаютъ, что имъ принадлежитъ какъ

настоящее, такъ и будущее. Какъ глубоко они ошибаются! Идея, имѣющая будущность, — та, на которой отражается всемогущій принципъ любви, а нечистыя руки ничего не творили вѣчнаго...

Замѣчательно, что носительницею этого принципа любви Тургеневъ выбралъ женщину,—вотъ почему женскіе типы его классическихъ произведеній, по высотѣ нравственнаго совершенства и нравственно-идеальной красотѣ, стоятъ несомнѣнно выше мужскихъ. Тургеневъ, первый изъ русскихъ писателей такъ идеально-высоко поставившій женщину, по справедливости можетъ быть названъ ея рыцаремъ, талантливымъ защитникомъ ея правъ, вполнѣ подготовившимъ почву для возникшаго впослѣдствіи у нея и на Западѣ такъ называемаго «женскаго вопроса».

Къ Тургеневу особенно примѣнимы слова, что онъ «дышалъ вмѣстѣ съ природой»; поэтому-то почти во всякомъ его произведеніи встрѣчаются въ высшей степени поэтическія описанія русской природы: подъ его перомъ она выходитъ обаятельной, горитъ и отливаетъ чудными красками. Кисть художника доходитъ до недосягаемой высоты.

Языкъ русскій въ его произведеніяхъ образцовый, классическій по своей чистотѣ и истинной художественности; такою разработкой родного языка Тургеневъ походитъ на Пушкина,—вотъ почему онъ себя считалъ ученикомъ послѣдняго.

Тургеневъ, создавшій бытовой русскій романъ, по всей справедливости можетъ быть названъ «отцомъ русской беллетристики».

До Тургенева Россія была извѣстна въ Европѣ только по нѣсколькимъ ученымъ трактатамъ, и только онъ возбудилъ интересъ къ русскому народу и его литературѣ среди большинства, которое имѣло совершенно смутное (часто даже извращенное) представленіе о русскомъ народѣ. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ Мельхіоръ-де-Вогюэ: «Тургеневъ—единственный русскій писатель, о которомъ можно говорить съ разсчетомъ быть понятымъ».

Его произведенія, переведенныя на всѣ почти литературные языки, заинтересовали европейскіе народы, и вслѣдъ за ними русская литература стала быстра распространяться въ Западной Европѣ. Англійскіе критики отводятъ Тургеневу первое мѣсто среди современныхъ писателей.

Замѣчателенъ самый процессъ творчества Тургенева: всѣ крупныя и мелкія явленія русской жизни воспринимались могучей душою художника, переработывались въ немъ — «вынашива-

лись» — воплощались въ идеи и являлись на свѣтъ Божій, — вотъ почему его произведенія такъ сильны своимъ вліяніемъ.

Несмотря на такую широкую извѣстность во всей Западной Европѣ, Тургеневъ горячо и беззавѣтно любилъ лишь свою родину, болѣлъ ея горемъ и во всю мощь своего генія сочувствовалъ ея добрымъ начинаніямъ и стремленіямъ, — конечно, онъ никогда не былъ дутымъ, квасным патріотомъ—для этого онъ былъ слишкомъ честенъ, этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовались нѣкоторые люди, чтобы набросить на него тѣнь... Будущее покажетъ, какъ правы подобные люди... Одинъ изъ современниковъ Тургенева — Панаевъ — большой знатокъ людей, выразился о немъ такъ: «Если поставить Тургенева противъ окна и раскрыть его, то онъ будетъ свѣтиться, какъ кусокъ хрусталя: такъ чистъ онъ нравственно между нами».

Далеко не оптимистъ, Н. Успенскій съ любовью отзывается о высотѣ нравственнаго начала Ивана Сергѣевича въ своихъ «Воспоминаніяхъ». «Figaro» тремя словами характеризуетъ романиста: «Большой, добрый, красивый». Есть еще одна черта въ произведеніяхъ Тургенева—по моему, одна изъ очень важныхъ—присутствіе въ нихъ «жизнерадостнаго» чувства; онъ вполнѣ можетъ сказать тѣ же слова, что и Периклъ, лежа на смертномъ одрѣ. Сколько высоты нравственнаго начала и гуманизма кроется въ тѣхъ словахъ, которыя были сказаны имъ доктору, хотѣвшему поцѣловать у него руку: «Любите людей такъ, какъ я ихъ любилъ». Очень рѣдкій общественный дѣятель можетъ это сказать въ тотъ моментъ, когда стоитъ уже одной ногой въ могилѣ...

Черты изъ жизни И. С. Тургенева.

(Посвящается Владиміру Михайловичу Козлову).

Если для людей дороги свѣтлые идеалы вообще, то тѣмъ болѣе должны возбуждать ихъ горячую симпатію тѣ личности, которыя въ большей или меньшей степени воплощаютъ въ себѣ эти идеалы.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, помимо заслугъ геніальнаго писателя, отличался стремленіемъ къ свѣту, правдѣ и добру, а также мягкостью и любовью къ людямъ, то-есть всѣми чертами, украшающими жизнь человѣка.

Эти соображенія и побудили меня собрать всѣ разсказы, такъ или иначе касавшіеся жизни знаменитаго писателя, которые еще уцѣлѣли на его родинѣ.

Предлагаемые очерки составлены на основаніи разсказовъ священниковъ: о. В. Рѣзанова, о. Ал. Казанскаго; Михаила Александровича Щепкина, Петра Михайловича Перегримова, семейства Аѳанасія (Ермолая), бывшаго чернскаго помѣщика Л. В. Кривцова и другихъ. Кромѣ того, я пользовался архивомъ и записками священника при церкви села Спасскаго.

I.

Село Спасское-Лутовиново находится въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, а земля его проходитъ и въ сосѣдній Чернскій уѣздъ, Тульской губерніи. Отъ Мценска до Спасскаго на лошадяхъ 10 верстъ, а отъ полустанка (Московско-Курской жел. дор.) «Бастыево» около 5 верстъ.

Спасское принадлежало дядѣ матери Тургенева, Ивану Ивановичу Лутовинову, и названіе свое получило отъ находящейся въ немъ церкви Спасо-Преображенія. Въ прошломъ столѣтіи въ селѣ была ветхая деревянная церковь, при которой съ 1780 года состояли священникъ и два причетника. Несмотря на то, что въ Спасскомъ приходѣ было 12 богатыхъ помѣщиковъ, однако никто изъ нихъ не позаботился о храмѣ. Только Ив. Ив. Лутовиновъ обратилъ на него вниманіе. Видя, что церковь уже разваливается, онъ въ 1808 году построилъ на свои средства каменную, очень просторную и красивую церковь. 26 іюня 1809 года, храмъ этотъ былъ освященъ священно-архимандритомъ Мценскаго Петропавловскаго мужского монастыря, ректоромъ сѣвской семинаріи Діонисіемъ. Въ храмѣ два придѣла: одинъ во имя святителя и чудотворца Николая, а другой во имя великомученика Никиты; потому въ Спасскомъ два храмовыхъ праздника—6-го августа и 15-го сентября, «Никитинъ день». Вниманіе Лутовинова къ храму не ограничилось только его постройкой: онъ позаботился также и о его благолѣпіи, пожертвовалъ въ церковь около пяти фунтовъ серебряныхъ вещей: дискосъ, потиръ, звѣздицу и т. п. на сумму, по тогдашней стоимости, около 600 рублей, купилъ всѣ одежды для церкви и для священнослужителей. По его же ходатайству въ 1808 году, при храмѣ было учреждено мѣсто діакона. На средства, отпускаемыя Ив. Ив., при церкви содержался хоръ изъ 16 человѣкъ, пѣвшій по рукописнымъ нотамъ, которыя и по настоящее время хранятся въ церковномъ архивѣ.

На мѣстѣ прежней церкви Ив. Ив. выстроилъ мавзолей, который въ настоящее время представляетъ почти руину: облицовка обваливается, потолокъ нависъ и грозитъ разрушеніемъ. На полу мавзолея находится чугунная плита съ надписью, гласящей, что мавзолей выстроенъ на могилѣ ребенка, матери котораго Ив. Ив. былъ другомъ. (Ив. Ив. умеръ холостымъ). На внутреннихъ сторонахъ каменныхъ плитъ высѣчены буквы, составлявшія какую-то надпись, но какую именно, теперь нельзя разобрать, такъ какъ еще не всѣ плиты свалились. Въ мавзолеѣ былъ похороненъ и его строитель (умеръ 8 октября 1813 г., родился въ 1743 г.).

Но какъ мы ошибемся, если составимъ характеристику Ив. Ив. Лутовинова на основаніи отношенія его къ храму. Иногда совершенно противорѣчащія одна другой черты уживаются въ человѣкѣ. Ив. Ив., столь щедрый къ храму, отличался своею

феноменальною скупостью и жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Недобрая память сохранилась о немъ среди спасскихъ крестьянъ, которые увѣряютъ, что видятъ его ходящимъ по плотинѣ, на опушкѣ сада: онъ часто нагибается къ землѣ, словно чего-то ищетъ. Въ мавзолеѣ совершались поминовенія усопшихъ прихожанъ, но въ 1866 году входъ въ него былъ запрещенъ, такъ какъ зданіе начало приходить въ ветхость и стало грозить опасностью. Кладбище при старой церкви закрыто въ 1870 году и перенесено на другое мѣсто, черезъ дорогу отъ новой церкви.

Въ 1825 году, распоряженіемъ епархіальнаго начальства, церковь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ селѣ Чапкинѣ Мценскаго уѣзда была упразднена; ея служители переведены въ церковь села Спасскаго, при которой такимъ образомъ стало два священника, одинъ діаконъ и четыре причетника. Такой составъ причта существовалъ до 1870 года. Въ этомъ году случилось, что одинъ изъ священниковъ перемѣщенъ былъ въ другое село. Прихожане воспользовались этимъ и подали просьбу архіерею о томъ, чтобы у нихъ былъ оставленъ только одинъ священникъ, мотивируя свое желаніе трудностью содержать двойной штатъ. Такъ какъ въ этомъ году былъ неурожай, то просьба была удовлетворена.

Интересенъ выводъ священника, записками котораго, между прочимъ, я воспользовался. Сознавая важность для народа уничтоженія крѣпостного права, онъ относительно этого замѣчаетъ слѣдующее: «Кромѣ того, въ приходѣ до 1861 года существовалъ обычай при появленіи скотскихъ падежей выгонять такъ называемую «коровью смерть». Для этого собирались въ нѣкоторыхъ деревняхъ отборные люди, вдовы и дѣвки, соглашались между собою и, по соглашеніи, опахивали деревню, творя различные обряды, противные религіи и церкви, но съ 1861 года, сдѣлавшись свободными отъ своихъ помѣщиковъ и начавши нѣсколько просвѣщаться, обычай мало-по-малу оставили и замѣнили религіозными».

Церковь села Спасскаго въ настоящее время производитъ отрадное впечатлѣніе своею архитектурою, помѣстительностью, чистотою, прекраснымъ иконостасомъ и хорошей живописью иконъ.

II.

Къ Ив. Ив. Лутовинову и прибѣжала племянница его, будущая мать Тургенева, Варвара Петровна, спасаясь отъ посяганій своего отчима на ея честь. Ив. Ив. принялъ племянницу, но суровый и скупой, плохо относился къ ней: всегда занятый псовой охотой, конскимъ заводомъ и сельскимъ хозяйствомъ, Ив. Ив. не доставлялъ почти никакого развлеченія молодой дѣвушкѣ. Когда онъ умеръ, племянница осталась единственной наслѣдницей очень большого количества земли и громаднаго капитала. По разсказамъ всѣхъ современниковъ, Варвара Петровна обладала очень некрасивою, даже отталкивающею наружностью: она была маленькаго роста, съ лицомъ, частію прыщеватымъ, частію изрытымъ глубокими порами; при этомъ она говорила въ носъ, гугнявила. Этимъ и объясняется то обстоятельство, почему она, сильно желавшая выйти замужъ, долго не находила жениховъ, несмотря на свое богатство.

Случилось какъ-то сыну сосѣдняго бѣднаго помѣщика, молодому, блестящему и замѣчательно красивому офицеру, пріѣхать въ Спасское для покупки лошадей.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ (такъ звали офицера) произвелъ на Варвару Петровну такое сильное впечатлѣніе, что она сразу же влюбилась въ него. Когда переговоры о покупкѣ кончились, Варвара Петровна стала просить Сергѣя Николаевича пріѣхать къ ней не за дѣломъ, а такъ, просто въ гости. Сергѣй Николаевичъ обѣщалъ, но Варвара Петровна, не надѣясь на исполненіе, взяла у него портупею, чтобы обѣщаніе было вѣрнѣе. О впечатлѣніи, произведенномъ Сергѣемъ Николаевичемъ на Варвару Петровну, узналъ его отецъ и началъ упрашивать сына: «женись, ради Бога, женись на Лутовиновой, а то мы скоро пойдемъ съ сумой». Сынъ и слышать не хотѣлъ; но когда отецъ сталъ передъ нимъ на колѣни, онъ не выдержалъ и измѣнилъ свое рѣшеніе. Его предложеніе Варварѣ Петровнѣ было съ восторгомъ принято ею.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Сергѣя Николаевича и Варвары Петровны соединились двѣ фамиліи: Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Тогда какъ послѣдняя выдѣлялась громаднымъ богатствомъ, первая, представляя собою обѣднѣвшую семью, имѣла лишь богатое прошлое.

Однако, блестящія внѣшнія условія, богатство и знатность, нисколько не повліяли на внутреннюю нравственную связь между супругами: Сергѣй Николаевичъ не любилъ своей жены и нисколько этого не скрывалъ, а Варвара Петровна не нашла въ мужѣ того, чего такъ пылко и страстно желаютъ женщины даровитыя—полной, беззавѣтной любви, смѣшанной съ нѣкоторою долею поклоненія имъ. Напротивъ, Варвара Петровна на каждомъ шагу замѣчала, что принадлежащія ей по праву вниманіе и ласки расточались на сторону, а на ея долю оставались однѣ крохи, да и ихъ приходилось ей почти вымаливать. Бѣдная женщина не могла не сознавать своей внѣшней непривлекательности и въ то же время не чувствовать того холода, которымъ вѣяло всегда отъ мужа, когда вся ея душа такъ и рвалась къ тому, кого она сдѣлала кумиромъ своей жизни, и она страдала глубоко, испытывая часто сильныя потрясенія.

Наконецъ, эта совмѣстная жизнь, совершенно случайно сложившаяся и ничѣмъ внутренно не скрѣпленная, прекратилась въ 1834 году Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ умеръ.

III.

По смерти мужа Варвара Петровна осталась полновластной госпожею и, исковерканная въ дѣтствѣ и при переходѣ въ юношескій возрастъ отчимомъ Сомовымъ, а потомъ скрягою дядей, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ отъ замужней жизни, явилась, если можно такъ выразиться, идеальнымъ деспотомъ.

Не хочется какъ-то допустить, чтобы въ рукахъ этой потрясенной и душевнобольной женщины находилась судьба тысячъ людей. На самомъ же дѣлѣ это было такъ: по капризу и порыву этой женщины безгласные ея подданные то подвергались жестокому наказанію, то миловались; сегодня, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ, оторванные отъ своихъ семействъ, женъ и дѣтей, переселялись въ отдаленныя деревни или шли въ солдаты, а завтра другіе награждались, что, однако, не гарантировало ихъ, при слѣдующей вспышкѣ барыни, быть лишенными всѣхъ ея милостей и подвергнуться опалѣ... Варвара Петровна является выразительницею того мрачнаго времени, которое разстилается чернымъ, а часто кровавымъ фономъ въ нашей исторіи. Госпожи Житова, Аргамакова и Колонтаева въ своихъ воспоминаніяхъ

дали много матеріаловъ, характеризующихъ Варвару Петровну, но личность ея еще не достаточно освѣщена, а между тѣмъ полная обрисовка ея чрезвычайно важна, такъ какъ она сильно повліяла на развитіе своего талантливаго сына Ивана Сергѣевича.

Главнымъ министромъ ея былъ бурмистръ Іосифъ Григорьевъ Горбылевъ, къ несчастію, умершій въ 1892 году и многое-многое унесшій съ собою въ могилу. Его жена живетъ въ монастырѣ, но она уже почти развалина.

Разъ какъ-то за крестьянами Варвары Петровны накопилось нѣсколько тысячъ рублей недоимокъ. Горбылевъ сталъ ходатайствовать передъ барыней о сложеніи ихъ. Та согласилась, но корыстолюбивый бурмистръ сталъ выбивать эти недоимки въ свою пользу.

Случилось Варварѣ Петровнѣ заѣхать въ эту деревню. Крестьяне бросились ей въ ноги и стали молить о прощеніи недоимокъ. Варвара Петровна, поняла въ чемъ дѣло, и сейчасъ же разжаловала Горбылева; но Іосифъ Григорьевъ переждалъ грозу и въ день именинъ Варвары Петровны ухитрился какъ-то пробраться въ залу съ годовалымъ поросенкомъ на плечахъ. Поставивъ ношу на полъ и придерживая ее рукою, Іосифъ Григорьевъ обратился къ Варварѣ Петровнѣ съ рѣчью: «Поздравляю васъ, матушка-барыня, съ днемъ вашего ангела—вотъ вамъ презентъ въ день именинъ». Выходка эта такъ понравилась Варварѣ Петровнѣ, что она снова приблизила къ себѣ Горбылева.

Варвара Петровна жила временами очень открыто и часто задавала такіе пиры, на которыхъ, въ числѣ многочисленныхъ блюдъ, подавался соусъ изъ куриныхъ гребешковъ: для этого блюда собирались куры по всѣмъ вотчинамъ Варвары Петровны. Часто также она устроивала спектакли, на которые между прочимъ приглашались и духовныя лица; послѣднія въ концѣ спектакля получали подарки. При пріемѣ гостей у Варвары Петровны былъ свой особенный церемоніалъ: пріѣзжій считался гостемъ только два дня, а на третій жилъ въ отведенномъ ему помѣщеніи, какъ бы въ своемъ домѣ.

Вотъ еще нѣсколько, кромѣ извѣстныхъ уже, чертъ ненормальности Варвары Петровны.

У всего штата своихъ служащихъ она любила перемѣнять имена; напримѣръ, и донынѣ здравствующій бывшій лакей у Ивана Сергѣевича Петръ Михайловъ Перегримовъ при крещеніи получилъ имя Каллистрата, а Петромъ названъ барыней. Про-

слупки своихъ подчиненныхъ Варвара Петровна любила разбирать при пышной обстановкѣ. Одна изъ комнатъ обширнаго Спасскаго дома представляла собою судебную залу, гдѣ на видномъ мѣстѣ помѣщалось «зерцало» — портретъ Варвары Петровны. Въ этой залѣ, на возвышеніи, возсѣдала строгая барыня и чинила судъ и расправу надъ провинившимися. Варвара Петровна терпѣть не могла, чтобы ея приближенныя дворовыя дѣвушки выходили замужъ. Однажды она замѣтила, что одна изъ нихъ находится въ интересномъ положеніи и приказала за ней слѣдить. Дѣвушка, разрѣшившись отъ бремени, бросила ребенка въ Варнавицкій прудъ. По приказанію барыни, начали его ловить неводомъ. При этомъ было вытащено нѣсколько десятковъ дѣтскихъ скелетовъ. Нѣсколько разъ Варвара Петровна собиралась умирать: она садилась въ кресла, около нея ставилось нѣчто въ родѣ аналоя; на него барыня клала свою руку, а придворные ея, одинъ за другимъ, подходили и прикладывались къ «ручкѣ». Одинъ изъ дворовыхъ, прежде чѣмъ поцѣловать руку, перекрестился и щедро былъ награжденъ за это своею госпожею. Кромѣ кормленія голубей, у Варвары Петровны было въ обычаѣ кормить и воронъ. Для этого существовалъ цѣлый штатъ людей, которые пекли хлѣбы, дѣлали изъ него катышки и разбрасывали ихъ по выгону. Одинъ изъ этого штата, парень, смѣтливый, замѣчая, какъ наживаются люди, приставленные къ другимъ должностямъ, и не могшій поживиться ничѣмъ при своей, поставилъ себѣ цѣлью добиться званія смотрителя надъ коптильней ветчины. Случай помогъ ему. Однажды, при кормежкѣ, подрались двѣ вороны. Парень побѣжалъ въ хату, принесъ ружье и удачнымъ выстрѣломъ убилъ дерущихся. Въ это самое время Варвара Петровна, страдавшая безсонницей, сидѣла на балконѣ и видѣла всю сцену. Гнѣвно стала требовать барыня разъясненія поступка.

— Это вороны не наши, а князя Меншикова; мало, что прилетѣли чужой хлѣбъ клевать, такъ давай еще драться, смущать нашихъ,—отвѣтилъ парень.

Такой находчивый отвѣтъ очень понравился барынѣ, и, конечно, ловкому парню было приказано сказать, какой милости онъ желаетъ. Парень высказалъ свою мечту и добился желаемаго.

Въ «Воспоминаніяхъ» г-жи Колонтаевой, помѣщенныхъ въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ, сообщается разсказъ о самоубійствѣ мальчика Павлуши. Дѣло было не совсѣмъ такъ. Погребомъ завѣдывалъ не Павлуша, а

его отецъ. Послѣдній, любя выпить самъ и угостить пріятелей, между прочими винами выпилъ любимое Варварой Петровной вино — рейнвейнъ. Когда Павлуша прибѣжалъ къ отцу за виномъ, послѣдній сказалъ ему: «погоди, сейчасъ дамъ!»—вслѣдъ за этимъ вошелъ во флигель, гдѣ жили молодые Тургеневы, и тамъ застрѣлился.

Разъ какъ-то одинъ изъ дворовыхъ Варвары Петровны, Леонъ Лобановъ, явился въ Москву къ Варварѣ Петровнѣ. Во время доклада, неизвѣстно по какой причинѣ, барыня набросилась на Лобанова, обмотала своимъ платкомъ его шею и начала душить. Безсильная, она въ припадкѣ ярости достигла того, что Лобановъ упалъ на полъ. Тогда она убѣжала въ другую комнату. Въ ея отсутствіе Леону посовѣтовали не снимать платка съ шеи и такъ ходить. На третій день барыня увидала Лобанова и, довольная своею побѣдою, щедро наградила его.

Въ то время огромный штатъ дворовыхъ людей Варвары Петровны жилъ между собою дружно: никто не выдавалъ другого. Барыня это понимала и держала много доносчиковъ, преимущественно доносчицъ, которыя и нашептывали ей о всякомъ происшествіи въ ея владѣніяхъ. Но несмотря на бдительный надзоръ, дворовые какъ-то ухитрялись часто устраивать пирушки въ складчину. Они обыкновенно просили помѣщеніе у священника и сносили сюда кто что могъ, кто чѣмъ завѣдывалъ: мучникъ приносилъ муку, завѣдующій виннымъ погребомъ (называемымъ у нихъ «лабораторіей») — вино, каретникъ — подушку отъ сидѣнія и т. д.

Какъ уже извѣстно, отношенія Варвары Петровны и къ дѣтямъ постоянно колебались: приливъ горячей нѣжности смѣнялся безпричинной злобою. Несмотря на свое богатство, она одно время разгнѣвавшись высылала своему любимому сыну Ивану Сергѣевичу,—«Ваничкѣ», какъ она всегда его звала,—вмѣстѣ съ человѣкомъ Захаромъ Балашовымъ (онъ же «Кривой») всего на всего 180 рублей въ годъ. Когда гнѣвъ усилился, Варвара Петровна и вовсе прекратила высылку денегъ, такъ что Иванъ Сергѣевичъ, живя въ Петербургѣ, буквально голодалъ. Варвара Петровна умерла въ 1850 году, но ея имя останется долгое время въ памяти жителей села Спасскаго—недалеко отъ усадьбы есть такъ называемая «Варварина поляна», находящаяся на границѣ Мценскаго уѣзда Орловской губерніи и Чернскаго Тульской губерніи.

IV.

Послѣ смерти Варвары Петровны прямыми наслѣдниками ея остались два сына: Николай и Иванъ. На долю Ивана Сергѣевича пришлись слѣдующія имѣнія: въ Тульской губерніи—Любовша (Новосильскаго уѣзда), проданное Шатилову—около 600 д., Кадное (Ефремовскаго уѣзда)—780 д., Красивая Мечь (того же уѣзда) — 100 д., Ситово, проданное Волкову — 150 д., Кальна (Чернскаго уѣзда)—80 дес.; въ Калужской губерніи, въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Казаки и проч.) 800 д.; въ Орловской губерніи, въ Кромскомъ уѣздѣ—150 д., Топки, Малоархангельскаго уѣзда—680 д.; частію въ Орловской, частію въ Тульской губерніяхъ—Спасское — 1102 д.; въ Тамбовской губерніи Семеновское—400 д., Лебедянскаго уѣзда той же губерніи—5.000 д.

Въ домашней жизни Иванъ Сергѣевичъ былъ необыкновенно простъ. Не любилъ онъ посѣщать своихъ сосѣдей, богатыхъ помѣщиковъ, и большую часть времени, если не былъ на охотѣ проводилъ дома. Если и посѣщалъ, то людей близкихъ, преимущественно бѣдныхъ помѣщиковъ. Въ послѣдніе свои пріѣзды въ Спасское Иванъ Сергѣевичъ часто сидѣлъ въ саду, окруженный семьею Аѳанасія («Ермолай») и, поглаживая правою рукою волосы на головѣ, говорилъ: «ну, разсказывайте мнѣ, какъ вы живете». Нужно быть свидѣтелемъ того искренняго и неподдѣльнаго горя и слезъ семейства Аѳанасія, когда я съ ними бесѣдовалъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Двѣ старшія дочери «Ермолая», перебивая другъ друга, прерывали свои разсказы восклицаніемъ: «умеръ нашъ благодѣтель — это не человѣкъ былъ, а ангелъ!» Ѣлъ Иванъ Сергѣевичъ обыкновенно только разъ въ день, не ужиналъ и не завтракалъ. Чай онъ очень любилъ обыкновенно крѣпкій и пилъ его 3—4 раза въ день. За утреннимъ чаемъ съѣдалъ одинъ или два обварныхъ кренделя. Утромъ и вечеромъ Иванъ Сергѣевичъ бралъ кружку и отправлялся пить воду изъ колодезя, находящагося подъ поселеніемъ дворовыхъ (въ верстѣ отъ дома), въ урочищѣ Варнавицы. Онъ не могъ видѣть безъ содраганія всего ползающаго, изгибающагося: змѣй, пауковъ, таракановъ. Не разъ онъ говорилъ своему камердинеру: «умру я, Петръ, здѣсь, похоронятъ меня въ мавзолеѣ и будутъ ползать по мнѣ пауки — брр!». Такое же гнетущее впечатлѣніе производилъ на него видъ пожара, даже

издали, почему Иванъ Сергѣевичъ и избѣгалъ смотрѣть на него. Очень онъ боялся также умереть отъ холеры. Въ 1872 году, когда въ Орловской губерніи была холера, Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Катушище къ Щепкину и ѣлъ землянику съ молокомъ. Возвратившись домой и почувствовавъ себя дурно, онъ такъ испугался, что на другой же день уѣхалъ въ Москву, а оттуда за границу. Иванъ Сергѣевичъ проявлялъ свою деликатность и въ отношеніи прислуги. Возвратившись съ прогулки и не желая тревожить человѣка, самъ обчищалъ свои сапоги, и это дѣлалъ онъ уже старикомъ, когда страдалъ недугами. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ Ивана Сергѣевича была его необыкновенная вѣжливость. Отвѣчая на поклонъ, онъ снималъ свою шляпу даже передъ восьмилѣтнимъ крестьянскимъ мальчикомъ, считая своею обязанностію сказать встрѣтившемуся хоть одно привѣтливое слово. Какая разница въ этомъ отношеніи между нимъ и Фетомъ! Аѳанасій Аѳанасьевичъ часто пріѣзжалъ къ однимъ своимъ родственникамъ. По разсказамъ бывшаго въ этомъ имѣніи управляющаго, онъ держалъ себя очень надменно, съ пренебреженіемъ относясь ко всѣмъ тѣмъ, кого судьба не удостоила быть дворяниномъ и владѣть помѣстьями... Встрѣчаясь на прогулкѣ по саду съ крестьянами, онъ съ брезгливостію повертывался къ нимъ спиною, дѣлая видъ, что разсматриваетъ цвѣточки.

Если собрать всѣ разсказы, частію уже обнародованные, о дѣяніяхъ Ив. Ив. Лутовинова и Варвары Петровны Тургеневой, ихъ бурмистровъ и управляющихъ и другихъ начальниковъ, получается такая картина, передъ которою волосы становятся дыбомъ. Кажется, вокругъ Спасскаго нѣтъ ни одной пяди земли, которая не была бы орошена слезами отчаянія, поруганнаго достоинства и кровью, лившеюся, когда двое названныхъ владѣльца, люди безпорно даровитые, но не удовлетворенные жизнью, искали острыхъ ощущеній въ звѣрскихъ поступкахъ, чинимыхъ ими надъ своими беззащитными подданными. Иванъ Сергѣевичъ, наблюдавшій сцены деспотизма матери надъ крѣпостными и испытывая это частію на себѣ, всю жизнь носилъ слѣды вынесенныхъ въ дѣтствѣ и юности впечатлѣній, что и дѣлало его почти безхарактернымъ человѣкомъ, который удовлетворялъ почти всякой просьбѣ, сыпалъ деньгами направо и налѣво, принималъ самое горячее участіе въ чужомъ страданіи и горѣ, проявляя это участіе даже въ мелочахъ. Конечно, такъ

глубоко запавшія въ душу впечатлѣнія заставили его даже преувеличивать отрицательныя стороны нѣкоторыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ явленій. Замѣчая, какъ семейная жизнь дѣлаетъ, людей эгоистами, Иванъ Сергѣевичъ стремился остаться холостякомъ хотя и пришелъ къ семьѣ, но только съ другой, противоположной стороны.

Во всякомъ случаѣ онъ, по мало еще изслѣдованному закону, явился какъ бы искупителемъ за дѣянія своихъ предковъ передъ тѣми, которые отъ нихъ такъ много выстрадали.

Не разъ велись бесѣды о благотворительности и помощи, въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ, между Иваномъ Сергѣевичемъ и священникомъ села Спасскаго. Молодой священникъ часто сомнѣвался въ значеніи добра, видя, какъ рѣдко встрѣчается признательность, и глубоко страдалъ отъ этого нравственно. Свое душевное состояніе онъ высказывалъ Ивану Сергѣевичу, который успокоивалъ его слѣдующими словами: «батюшка, добро нужно любить ради добра: оно само по себѣ прекрасно».

Высказывая такой взглядъ на добро, Иванъ Сергѣевичъ сдѣлалъ его девизомъ для своей жизни.

Во время пребыванія Ивана Сергѣевича въ Спасскомъ, къ нему каждый день обращались то лично, то письменно, съ просьбами о денежномъ пособіи, и вотъ контора то-и-дѣло получала записки такого рода: «Прошу къ вечеру доставить мнѣ 200 рублей. Ив. Тургеневъ». Эти записки за лѣто составляли счетъ на очень почтенную сумму. У постоянно приходившихъ къ нему по дѣлу крестьянъ онъ тщательно разспрашивалъ ихъ нужды и, по мѣрѣ возможности, всегда удовлетворялъ ихъ. Нѣсколько разъ, преодолѣвая свое природное отвращеніе къ виду пожара, Иванъ Сергѣевичъ ходилъ смотрѣть на него; тутъ онъ проявлялъ истинно христіанское участіе къ пострадавшимъ, на другой же день реализируя это участіе: то давалъ денегъ, то отпускалъ лѣсу на постройку.

Проявляя всюду, гдѣ только могъ, черты своей необыкновенно доброй души, Иванъ Сергѣевичъ свою добрую расположенность къ людямъ проявлялъ также въ отношеніи своихъ бывшихъ крестьянъ.

Первымъ дѣломъ, по полученіи наслѣдства отъ матери, Иванъ Сергѣевичъ отпустилъ всѣхъ дворовыхъ на волю, надѣливъ ихъ землею. Когда крестьяне перевели лѣсъ, данный имъ по

уставной грамотѣ, и стали плакаться Ивану Сергѣевичу: «батюшка, лѣсу нѣтъ, чеки негдѣ вырубить», Тургеневъ подарилъ имъ 20 десятинъ лѣсу. Въ каждый свой пріѣздъ въ деревню изъ земли оставшагося Спасскаго имѣнія Иванъ Сергѣевичъ дарилъ крестьянамъ по десятинѣ распашной земли и по 2 лѣсу, полагая, что онъ этимъ увеличиваетъ ихъ благосостояніе, хотя другіе люди доказывали ему, что этимъ онъ поощряетъ пьянство, такъ какъ крестьяне сейчасъ же, по отъѣздѣ Ивана Сергѣевича, пропиваютъ подарокъ. Въ первое время духовныя лица, приходившія поздравить Ивана Сергѣевича съ пріѣздомъ, получали отъ него: священникъ 100 р., діаконъ 25 р. и дьячекъ 5 руб. Потомъ Иванъ Сергѣевичъ почему-то оставилъ это обыкновеніе.

Какъ-разъ къ избамъ села Спасскаго подходитъ, въ видѣ клина, земля князя Меншикова. На этомъ клочкѣ одинъ изъ юркихъ предпринимателей поставилъ избу, а на крылечкѣ укрѣпилъ елочку. Бойко пошли операціи предпринимателя, раздѣлившія обитателей Спасскаго на два враждебные лагеря: одна сторона покачивалась изъ стороны въ сторону и тащила подъ елку все, что ни попадалось подъ руку; другая сторона—бабы—отнимала несомое и выла. Мало того, бабы начали каждый день ходить къ балкону Спасскаго дома и жаловаться на мужей своему барину. Не имѣя другихъ средствъ, чтобы заставить кабатчика уйти, Иванъ Сергѣевичъ придумалъ слѣдующее: онъ далъ крестьянамъ 600 рублей на постройку часовни въ память мученической кончины Царя-Освободителя. Часовня была выстроена, а такъ какъ, по русскимъ законамъ, питейное заведеніе можетъ находиться отъ церкви, часовни и т. п. на извѣстномъ только разстояніи, то кабаку волей-неволей пришлось покинуть привольное мѣстечко. Такимъ образомъ Спасскимъ крестьянамъ ходить въ кабакъ было далеко, и пьянство прекратилось.

Въ часовнѣ замѣчателенъ образъ Александра Невскаго, писанный на цинковой доскѣ художникомъ Фартусовымъ, ученикомъ покойнаго профессора Сорокина. Лампада передъ этимъ образомъ пожертвована Иваномъ Ильичемъ Масловымъ, бывшимъ управляющимъ московской удѣльной конторой.

Безграничная доброта и мягкость отражались у Ивана Сергѣевича на лицѣ и бросались въ глаза всякому.

«Дуренъ былъ лицомъ Иванъ Сергѣевичъ, а какъ ангелъ»,—вотъ буквальное выраженіе о немъ его бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ.

Слѣдствіемъ необыкновенной доброты Ивана Сергѣевича была довѣрчивость къ людямъ, что́ причиняло ему матеріальный ущербъ. Напримѣръ, одинъ изъ бывшихъ его управляющихъ заложилъ Спасское и преспокойно высылалъ ему деньги, какъ доходъ съ имѣнія. Часто ему докладывали, что служащіе его обкрадываютъ. Съ замѣчательною мягкостью обыкновенно онъ замѣчалъ: «Богъ съ ними, пусть ихъ берутъ!». Своего слугу-сотоварища по Берлинскому университету, Порфирія Тимоѳеевича Кудряшева, Иванъ Сергѣевичъ обезпечилъ матеріально, подаривъ ему 15 десятинъ земли около Варнавицкаго пруда. Но Порфирію Тимоѳеевичу не повезло въ жизни. Его жена порядочно рисовала (вся семья ея — мѣщане г. Мценска — имѣла наклонность къ художеству). Двое ея братьевъ переманили ее въ Воронежъ. Тамъ Порфирій Тимоѳеевичъ купилъ домъ, открылъ фотографію и все это, по желанію жены, перевелъ на ея имя. Но скоро его дрожайшая половина нашла себѣ обожателя въ одномъ офицерѣ и прогнала мужа. Порфирій Тимоѳеевичъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, жилъ у какого-то мѣщанина и буквально голодалъ. Бѣдственнымъ его положеніемъ тронулось сердце мѣщанина: онъ поручилъ Порфирію Тимоѳеевичу обучать грамотѣ своего 18-ти-лѣтняго сына, давая ему за это каждый день ѣсть. Кудряшеву стало не въ моготу быть въ униженномъ положеніи, и онъ пѣшкомъ, весьма плохо одѣтый, глубокою осенью, предпринялъ путешествіе изъ Воронежа въ Спасское, кажется побираясь въ пути. Голодный и оборванный, явился онъ въ Спасское и выпросилъ у священника на неотложную починку костюма три рубля. Ему долго пришлось ждать пріѣзда Ивана Сергѣевича—до весны слѣдующаго года. Пріѣхалъ Тургеневъ и выхлопоталъ Порфирію Тимоѳеевичу мѣсто акцизнаго чиновника сначала въ Алексинскомъ, а потомъ въ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Но Кудряшеву долго не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Оставшись безъ средствъ, онъ обыкновенно обращался къ Тургеневу попросить кого нибудь за него. Иванъ Сергѣевичъ сначала выражалъ неудовольствіе, наотрѣзъ отказывался ходатайствовать за него, но, всетаки, исполнялъ желаніе Кудряшева. Порфирій Тимоѳеевичъ подъ конецъ жизни запилъ и едва влачилъ свое существованіе, пока карбункулъ не окончилъ этой несчастной жизни.

V.

Въ 1863 году, Тургеневымъ было открыто частное сельское училище, въ которомъ дѣтей обучалъ Петръ Михайловичъ Серебряковъ, бывшій дворовый человѣкъ. Въ 1869 году выстроено новое зданіе училища «иждивеніемъ», какъ сказано въ запискахъ бывшаго священника, «коллежскаго секретаря Ивана Тургенева» и содержалось на его же, Тургенева, счетъ. Школа эта была церковно-приходская, которая въ 1870 году имѣла 27 мальчиковъ и 1 дѣвочку изъ Спасскаго, а изъ другихъ деревень 3 мальчиковъ.

До 1880 года училище существовало на средства Ивана Сергѣевича, который хорошо цѣнилъ трудъ учительницы (Екатерины Яковлевны Григорьевой): ей изъ конторы села Спасскаго выдавалось ежемѣсячно по 35 руб. и, нужно замѣтить, всегда исправно. Кромѣ того, священникъ за преподаваніе Закона Божія получалъ 7 рублей. Но училище не имѣло права выдавать льготныхъ свидѣтельствъ, поэтому Иванъ Сергѣевичъ и думалъ устроить его не болѣе положительныхъ началахъ—весь вопросъ состоялъ въ томъ, на какихъ именно. Относительно этого и происходили оживленныя бесѣды съ мѣстнымъ священникомъ. Иванъ Сергѣевичъ не хотѣлъ открывать земской школы, мотивируя это тѣмъ, что на школу будетъ давать деньги онъ, а у нея будетъ пятьсотъ начальниковъ; поэтому Иванъ Сергѣевичъ предполагалъ передать школу въ духовное вѣдомство, а для ея поддержки отдать въ вѣчную собственность ея 4 десятины земли, что́ около Варнавицкаго пруда и большой плотины (противъ восточной стороны парка); для содержанія же ея вложить капиталъ, который предполагалось получить отъ продажи одного изъ имѣній Ивана Сергѣевича.

Во время проектовъ на счетъ устройства школы Тургеневъ уѣхалъ, начались его недуги, и ему впору только было думать о нихъ. Вопросъ о прочномъ существованіи школы, благодаря вмѣшательству неумолимой и преждевременной смерти, остался открытымъ, каковымъ является онъ и въ настоящее время. Умеръ Иванъ Сергѣевичъ, прекратила свое существованіе и школа — въ 1884 году. Какъ ни тяжело, а приходится отмѣтить тотъ грустный фактъ, что въ гнѣздѣ великаго писателя

поколѣнія выростаютъ, не получивъ возможности наслаждаться страницами безсмертныхъ «Записокъ Охотника»...

При жизни В. П., въ полверстѣ отъ Спасскаго, на хуторѣ Петровскомъ (описанномъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ») было нѣчто въ родѣ богадѣльни, гдѣ жило нѣсколько стариковъ и старухъ, не могшихъ работать. Въ 1872 году на хуторѣ происходила перестройка, и «богадѣльня» была закрыта. Около Спасской церкви было выстроено зданіе, въ которое и перевели съ Петровскаго стариковъ и старухъ. По смерти Тургенева въ богадѣльнѣ оставалось 4—5 человѣкъ; изъ нихъ жена Щепкина (арендатора имѣнія) взяла на свое попеченіе 2, а остальные ушли, такъ какъ изъ конторы, по случаю сдачи имѣнія на аренду, перестали выдавать деньги на содержаніе призрѣваемыхъ.

Вскорѣ послѣ выхода «Отцовъ и дѣтей» въ Спасское поступилъ молодой священникъ о. В*, горячій, способный и очень начитанный. Ив. С. все его приглашалъ къ себѣ; но священникъ отговаривался то нездоровьемъ, то требами, зная взглядъ Тургенева на духовенство, которое, по его мнѣнію, если и являлось къ помѣщику, то непремѣнно съ какою нибудь просьбою. Между тѣмъ приглашеніе все повторялось. Наконецъ, о. В* пришелъ. Иванъ С. ласково принялъ его, но разговоръ все какъ-то не клеился (у Ив. С. были въ это время въ гостяхъ Фетъ и Толстой). Тогда священникъ беретъ шляпу и начинаетъ прощаться. «Куда же вы, батюшка, такъ скоро?—обратился къ нему Ив. С.:—посидите».—«Что же, Ив. С., вы такого мнѣнія, что съ священникомъ, кромѣ лепешекъ, не о чемъ и говорить». Тогда Тургеневъ, чувствуя свою нетактичность, началъ упрашивать гостя остаться. От. В* остался. Мало-по-малу завязалась оживленная бесѣда, скоро перешедшая въ горячее разсужденіе о современномъ состояніи литературы.

Одно время въ Спасскомъ былъ священникомъ о. Борисъ, у котораго племянникъ отличался странностями и совсѣмъ не былъ похожъ на окружающихъ людей. Многое разсказывалъ о немъ о. Борисъ Ивану Сергѣевичу. Эти разсказы и воспроизведены Ив. С. въ такой неподражаемой, художественной формѣ, подъ названіемъ «Разсказъ отца Алексѣя».

Ив. С., какъ извѣстно, долго «вынашивалъ» свои произведенія, что̀ замѣчалось по тѣмъ отрывистымъ сценамъ, которыя онъ любилъ разсказывать окружающимъ его людямъ,

VI.

Въ Ивана Сергѣевича страстно была влюблена Надежда Аѳанасьевна Шеншина, сестра Аѳанасія Аѳ. Фета по матери. Эта дѣвушка есть именно та, про которую разсказываетъ г-жа Колонтаева въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1885 годъ, которая чуть не расплакалась, когда ее сталъ вышучивать Николай Сергѣевичъ (братъ Ивана Сергѣевича). Заступничество Ивана Сергѣевича въ то время опредѣлило навсегда направленіе чувства Надежды Аѳанасьевны. Дѣвушкой Надежда Аѳанасьевна прожила за границей два года. Возвратившись оттуда и не успѣвъ переодѣться съ дороги по своемъ пріѣздѣ въ Новоселки (7 верстъ отъ Мценска—родовое имѣніе Шеншиныхъ), она обратилась къ мужу своей сестры, Александру Никитьевичу, управлявшему и ея частію имѣнія: «У меня тутъ есть земля, а я ни копѣйки не получала. Ты знаешь, до чего я дошла: я жила на средства Ивана Сергѣевича». Подъ вліяніемъ-ли нераздѣленной страсти къ Ивану Сергѣевичу, или почему-либо другому, Надежда Аѳанасьевна помѣшалась. Когда она выздоровѣла, Афанасій Аѳанасьевичъ началъ ее уговаривать выйти замужъ за Борисова, отставного маіора и помѣщика сосѣдняго сельца Борисова. Надежда Аѳанасьева, наконецъ, уступила давленію и вышла, но терпѣть не могла мужа, не скрывала этого, а, напротивъ, постоянно ставила на видъ. Ив. П. Борисовъ старался, чтобы она не встрѣчалась съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Разъ какъ-то Ив. П. не былъ дома; Надежда Аѳанасьевна упросила Аѳанасія Аѳанасьевича поѣхать съ ней въ Спасское, пробыла тамъ дня два и, возвратившись оттуда, снова помѣшалась. На другой день, полуодѣтая она убѣжала изъ дому. Благодаря тщательному уходу, она снова пришла въ себя, но недолго пробыла въ нормальномъ состояніи, сошла съ ума въ третій разъ, была увезена въ Петербургъ и кончила жизнь въ домѣ умалишенныхъ. Отъ ея брака съ Борисовымъ родился сынъ Петя, бывшій особеннымъ любимцемъ Ивана Сергѣевича, на котораго послѣдній возлагалъ большія надежды. Но Петя умеръ, едва перешедши въ юношескій возрастъ. Бывшая пялечница въ домѣ Шеншина, необыкновенно бодрая и живая старуха, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ передавала мнѣ, въ какое волненіе приходила Надежда Аѳанасьевна при пріѣздѣ Ивана Сергѣевича въ Новоселки. Во время

разговора она теряла всякое самообладаніе и буквально впивалась глазами въ Ивана Сергѣевича.

— И что она въ немъ нашла,—высказывала свои соображенія старуха:—вѣдь дуренъ, очень дуренъ былъ лицомъ Иванъ Сергѣевичъ.

Не помню гдѣ, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ, что ему на жизненномъ пути встрѣтились три дѣвушки, любовь которыхъ онъ самъ отринулъ, а между тѣмъ, вѣроятно, каждая изъ нихъ дала бы ему счастье, прямое счастье этой жизни.

Надежда Аѳанасьевна Шеншина и была одною изъ этихъ трехъ.

VII.

Въ предпослѣдній свой пріѣздъ въ Спасское, въ 1880 году, Иванъ Сергѣевичъ проводилъ время необыкновенно весело: онъ то и дѣло устраивалъ катанья, поѣздки за грибами и т. п. Своею безграничною веселостію онъ заражалъ всѣхъ его окружающихъ, даже танцовалъ, чего съ нимъ никогда не было.

Продавъ всѣ свои имѣнія, Иванъ Сергѣевичъ никакъ не могъ сдѣлать этого съ Спасскимъ, которое онъ такъ любилъ.

Умеръ Тургеневъ, и на Спасское предъявили свои права двѣ дальнія родственницы Ивана Сергѣевича: Ольга Васильевна Шеншина (по мужу Галахова) и помѣщица Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи, Клеопатра Дмитріевна Сухотина. Оставить за собою Спасское пожелала первая наслѣдница, за что̀ и выдала К. Д. Сухотиной 60.000 рублей.

Гнѣздо великаго писателя въ настоящее время представляетъ печальную картину: школа закрыта, въ зданіи бывшей богодѣльни живетъ урядникъ. Домъ опустѣлъ, полы въ немъ провалились, мебели нѣтъ; библіотека, когда-то очень обширная, въ настоящее время представляетъ собою безпорядокъ. Собраніе книгъ, которое уцѣлѣло до настоящаго времени, составляетъ только часть когда-то обширной библіотеки Спасскаго. Садъ, занимающій болѣе 30 десятинъ, мало подвергся вліянію времени. Могучія липы также шумятъ своими вѣтвями, какъ шумѣли, вѣроятно, во времена Ивана Сергѣевича; по вершинамъ елей и теперь бойко перепрыгиваютъ бѣлки.

Въ саду заслуживаетъ особеннаго вниманія ель «Два брата», названная такъ потому, что отъ одного штамба идутъ двѣ со-

вершенно симметричныя другъ другу части. На этой ели всѣ знакомые Ивана Сергѣевича, пріѣзжавшіе къ нему погостить въ Спасское, имѣли обыкновеніе вырѣзывать свои инициалы. Жаль, что послѣ смерти Тургенева обыкновенные смертные своими ничѣмъ не замѣчательными именами почти испортили всѣ подписи.

Прошло 20 лѣтъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича, и приходится отмѣтить тотъ грустный фактъ, что родина его ничѣмъ не почтила памяти своего великаго земляка. Между тѣмъ, въ тяжелую эпоху, которую мы переживаемъ, сдѣланное что нибудь, достойное имени великаго человѣка, напомнило бы его идеалы правды, добра, красоты и любви къ ближнему, завѣщанные русскому народу, который онъ такъ горячо любилъ.

Черты изъ охотничьей жизни И. С. Тургенева[1].

(Посвящается М. А. Стаховичу).

«Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ, für sich, какъ говаривали въ старину; но положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату...» И. Тургеневъ. («Лѣсъ и степь»).

I.

Мысли Е. М. Гаршина о значеніи каждой мелочи для будущей біографіи Тургенева.—Вліяніе охоты на направленіе творчества будущаго писателя.—Охота даетъ возможность собрать матеріалы для «Записокъ Охотника».—Ихъ великая роль въ исторіи русскаго народа.

Евг. Мих. Гаршинъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ И. С. Тургеневѣ между прочимъ говоритъ: «Мелочи, которыя пріобрѣтаютъ значеніе, если онѣ попадутъ на канву стройной обстоятельной біографіи Тургенева, образъ котораго задернутъ до сихъ поръ передъ нами какимъ-то флёромъ, при чемъ, по безмолвному, но общему согласію, многія стороны его жизни почти не затронуты и не скоро будутъ затронуты»...

Вотъ эти-то соображенія и побудили меня затронуть одну изъ сторонъ жизни Ивана Сергѣевича,—охоту, бывшую для него

[1] Въ основу настоящаго очерка положены собранные нами устные разсказы Л—ва В—ча К—ова, современника и бывшаго сосѣда по имѣнію И. С. Тургенева, дочерей и внука Аѳанасія («Ермолая»), камердинера Тургенева—Петра Михайловича Перегримова и др. Авт.

не одною простою забавой, какъ думаютъ многіе. Черты характера и бытовыя стороны русскихъ крестьянъ, которыя онъ наблюдалъ не какъ «баринъ», котораго должны были бы стѣсняться крѣпостные, а какъ простой охотникъ—своего рода туристъ по своей землѣ—дали обширный и разнообразный матеріалъ, столь художественно разработанный въ «Запискахъ Охотника», сыгравшихъ такую выдающуюся роль въ исторіи русскаго народа...

Какъ велика была эта роль, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова, переданныя Тургеневымъ въ 1867 году славянскому публицисту, составившему словарь славянскихъ дѣятелей, хорвату Луктичу, и сказанныя ему, Тургеневу, лично Самимъ нынѣ въ Бозѣ почивающимъ Освободителемъ русскаго народа, Императоромъ Александромъ II: «Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ «Записки Охотника», меня ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости».

II.

Впечатлѣніе, производимое ребенкомъ-Тургеневымъ на постороннихъ.—Склонность къ птицамъ, перешедшая отъ матери.—Птичникъ.—Кормленіе голубей и рыбы.—Дѣйствіе на ребенка разсказовъ «егерей» про охоту.—Уходъ съ ними мальчика на охоту.—Начало охоты Ивана Сергѣевича.—Сближеніе его съ крѣпостными и привычка искать умиротворенія на лонѣ природы.—Наблюденія надъ жизнью крестьянъ.—«Спасская богородица».—Каша для В. П.—Отвѣтъ Ивана Сергѣевича при игрѣ «въ вопросы и отвѣты».

Пяти—шестилѣтнимъ ребенкомъ Иванъ Сергѣевичъ обращалъ на себя вниманіе всякаго, кто только его видѣлъ, своимъ рѣзкимъ отличіемъ отъ обыкновенныхъ дѣтей. Съ необыкновенно большою головой, большими, голубыми, вдумчивыми глазами, онъ постоянно съ жаднымъ интересомъ всматривался во все окружающее и производилъ впечатлѣніе скорѣе совершенно взрослаго человѣка, чѣмъ ребенка. Замѣчательно, что его любознательность, почти никогда не переходившая въ любопытство, сопровождалась врожденною деликатностью.

Изъ трехъ сыновей Варвары Петровны—Николая, Сергѣя и Ивана—послѣдній приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе, и всѣ, бывавшіе въ Спасскомъ, въ одинъ голосъ предсказывали ему великую будущность. Варвара Петровна, обиженная судьбой

какъ жена, нѣжно и страстно любящая своего мужа, но не встрѣчавшая взаимности, испытывала неизъяснимый восторгъ и блаженство, когда каждый гость считалъ своимъ долгомъ выразить ей свои соображенія на счетъ будущности ея сына, Ивана.

Послѣдняго вовсе не занимали игрушки, но постоянно тянуло къ природѣ, особенно къ живымъ ея представителямъ — птицамъ. Лѣтъ семи онъ уже ловилъ—западней, плёнками, сѣтками — птичекъ, которыя въ изобиліи водились въ обширномъ Спасскомъ саду, занимающемъ болѣе 30 десятинъ и походившемъ въ то время въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ болѣе на лѣсъ, чѣмъ на садъ.

Наклонность къ пернатымъ перешла къ Ивану Сергѣевичу отъ его матери, которая очень любила птицъ (за исключеніемъ куръ) и держала въ домѣ во множествѣ щегловъ, чижей, синицъ и т. п.

Варвара Петровна, замѣчая на каждомъ шагу, какъ ея «Ваничку» привлекаетъ пернатый міръ, по движенію любящаго материнскаго сердца, приказала устроить въ одной изъ комнатъ обширнаго Спасскаго дома птичникъ, окрашенный въ зеленую краску, въ который и были напущены всѣхъ родовъ зерноядныя, преимущественно пѣвчія птицы. Пополнять этотъ птичникъ новыми экземплярами лежало на обязанности лѣсника «Борзого» (прозваннаго такъ В. П. за свой высокій и прямой ростъ).

Кромѣ того, около террасы дома были поставлены столы, на которые посыпались различныя зерна,—множество голубей, едва раздавался звонокъ, со всѣхъ сторонъ стремились къ этому обильному и даровому угощенію. Сердце матери трепетало отъ восторга, когда ея любимый сынъ, окруженный со всѣхъ сторонъ довѣрчивыми и прирученными птицами, видимо наслаждался.

Спасскій садъ оканчивается двумя прудами; въ одномъ изъ нихъ, также по звонку, пріучили рыбу подплывать къ берегу и брать изъ рукъ хлѣбный мякишъ, распаренныя зерна ржи и пшеницы. Почти каждый день убѣгалъ къ этому пруду «Ваничка» и маленькими рученками бросалъ въ воду хлѣбный мякишъ, который и подхватывался на-лету рыбою. Въ ненастные дни ребенокъ, посматривая въ окно, тосковалъ, что ему сегодня не придется побывать около пруда.

Всѣ домашніе, пріѣзжавшіе въ гости знакомые, а также дворовые и приходившіе часто на барскій дворъ крѣпостные — узнали про склонность ребенка.

Наклонность эта была особенно на руку «егерямъ», и вотъ они и начали посвящать мальчика въ свое занятіе, сначала только разсказывая про охотничьихъ птицъ и иллюстрируя свои импровизированныя лекціи только что добытыми экземплярами вальдшнеповъ, бекасовъ, дупелей, утокъ. Сильно дѣйствовали эти разсказы на впечатлительную душу ребенка: не разъ и во снѣ грезились ему птицы.

Мальчикъ не разъ изъявлялъ желаніе посмотрѣть на эту охоту, про которую такъ краснорѣчиво разсказывали ему подданные его матери. Желаніе его начало исполняться: въ погожіе осенніе дни «егеря» потихоньку отъ его матери уводили мальчика въ орѣховые кусты, росшіе тутъ же, за садомъ, въ которыхъ попадалось много вальдшнеповъ. Увести ребенка на охоту было легко, такъ какъ мать почти все время слѣдила за мужемъ, а послѣдній посвящалъ время ухаживанію за женщинами, и «Ваня» почти все время вращался среди дворовыхъ и крѣпостныхъ людей.

Предоставленный самому себѣ, онъ бо́льшую часть дня развлекался среди природы — одинъ въ саду, около пруда, или съ «егерями» на охотѣ, и врожденная охотничья искра все болѣе и болѣе разгоралась.

Лѣтъ 10, сначала изъ «егерьскаго», а потомъ изъ купленнаго ему отцомъ ружья, «Ваня» уже самъ началъ стрѣлять въ сидящихъ на деревьяхъ — дроздовъ, горлинокъ, дикихъ голубей и плавающихъ на водѣ утокъ, а потомъ мало-по-малу приноровился попадать и въ летящихъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, переходя въ отроческій возрастъ, «Ваня» началъ понимать, что́ прежде только смутно чувствовалъ: отсутствіе около себя семьи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и ненормальность крѣпостного быта.

Нѣжный по природѣ, вдумчивый ребенокъ часто былъ свидѣтелемъ тѣхъ взрывовъ гнѣва, которымъ разражалась мать, почти на каждомъ шагу оскорбляемая беззавѣтно любимымъ мужемъ, и онъ ютился около унижаемыхъ и оскорбляемыхъ подданныхъ своей матери.

Позднѣе, отрокомъ, будущій великій писатель радовался, когда онъ и крѣпостной человѣкъ дѣлались равными подъ эгидой искусства, — стрѣльбы и попаданія въ цѣль. Искусство это не спрашивало происхожденія, а находилось въ прямой зависимости отъ ловкости и расторопности. Вмѣстѣ съ этимъ чутка

артистическая, рано сказавшаяся натура писателя, подъ вліяніемъ матери-природы, ея красокъ и звуковъ, умиротворялась.

Душа мальчика, стремившаяся любить мать, отталкивалась послѣднею въ періодъ ея раздраженія, и онъ бѣжалъ къ природѣ. Утомленный ходьбой, застигнутый дождемъ или ночью, Иванъ Сергѣевичъ заходилъ въ избы крестьянъ или лѣсныя сторожки, гдѣ наблюдалъ жизнь крѣпостныхъ во всей ея наготѣ, такъ какъ ему, какъ охотнику, показывались такія стороны, которыя непремѣнно были бы отъ него скрыты, какъ отъ «барина».

Развивъ свой слухъ и зрѣніе въ отношеніи неодушевленной природы и низшихъ ея организмовъ, Иванъ Сергѣевичъ, всматриваясь въ бытъ крѣпостныхъ, нашелъ у нихъ тѣ же качества, которыя присущи и помѣщикамъ; только они, подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ, смотрѣли иначе. Его убѣжденія въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе крѣпли и наконецъ выработались въ протестъ противъ мнѣнія большинства, который впослѣдствіи, какъ извѣстно, сталъ выражаться въ такой неподражаемо художественной формѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Иванъ Сергѣевичъ, сильно любя мать, все болѣе и болѣе отдалялся отъ нея головой, разсудкомъ. Натянутыя отношенія между матерью и сыномъ то прекращались, то вновь устанавливались; но все чаще и чаще за состоявшимся примиреніемъ слѣдовалъ сейчасъ же разрывъ...

Между 1841 и 1846 гг. каждое лѣто Тургеневъ проводилъ въ Спасскомъ. Его мать, потерявши мужа (въ 1840 г.), въ своихъ причудахъ и выдумкахъ все болѣе и болѣе выходила изъ границъ нормальности. Такъ она приказала сдѣлать себѣ кресло на носилкахъ; бока его были стеклянные, а крыша деревянная покатая. Барыня, сидя въ этомъ креслѣ, осматривалась по сторонамъ и видимо блаженствовала, когда ее носили вокругъ Спасскаго. Но не легко было смотрѣть Ивану Сергѣевичу на эту «богородицу» (какъ прозвали ее окрестные помѣщики).

В. П. взбрело, между прочимъ, въ голову, чтобы ей привозили каждый день особеннымъ образомъ приготовленную кашу изъ имѣнія, верстахъ въ 30 отъ ея Спасскаго.

Иванъ Сергѣевичъ часто говорилъ, что лучшимъ временемъ пребыванія его въ Спасскомъ, онъ считаетъ то, когда бывалъ на охотѣ.

Въ ненастные дни, когда охотиться было нельзя, онъ записывалъ свои впечатлѣнія, въ которыхъ въ художественной формѣ

раскрывалъ язвы общественной жизни и бичевалъ своего ненавистнаго врага—крѣпостное право.

Высланный на безвыѣздное пребываніе въ Спасскомъ, онъ забывалъ свое одиночество и оторванность отъ образованнаго міра на охотѣ, среди матери-природы, всегда раскрывавшей ему свои объятія. Охота, наполняя его свободное время, служила для него лѣкарствомъ, къ которому онъ прибѣгалъ во время душевной туги и нравственнаго страданія; она была также источникомъ творчества и вдохновенія, давая ему матеріалъ для возсозданія художественныхъ типовъ и неподражаемыхъ описаній русской природы, которая подъ его творческимъ перомъ теряетъ свое однообразіе и суровость, являясь чарующею въ срединѣ лѣта (періодъ охоты на тетеревовъ) и захватывающею душу нѣмымъ сожалѣніемъ и вдумчивостію, углубленіемъ въ самого себя и прожитую жизнь—осенью (время пролета вальдшнеповъ).

Иванъ Сергѣевичъ, участвуя за границей въ игрѣ въ вопросы и отвѣты, на вопросъ: «Какое ваше любимое занятіе»? отвѣтилъ: «Охота».

III.

Страсть Ивана Сергѣевича преимущественно къ охотѣ за птицами.—Случай на охотѣ. — Его взглядъ на охоту съ гончими. — Аѳанасій («Ермолай»).— Любовь Тургенева къ собакамъ.—Причина слуховъ, будто Иванъ Сергѣевичъ не даетъ никому щенятъ отъ своихъ собакъ.—Отношенія Тургенева къ Аѳанасію.—Иванъ.—Смерть послѣдняго и забота братьевъ Тургеневыхъ объ его сынѣ.

Иванъ Сергѣевичъ былъ охотникъ ружейный и исключительно «по перу» (спеціальное выраженіе охотниковъ, означающее охоту за птицами), хотя, какъ увидимъ ниже, и держалъ гончихъ собакъ.

Разъ какъ-то нѣсколько его знакомыхъ помѣщиковъ охотились съ гончими и брали «островъ» (лѣсъ). Случилось такъ, что въ это же время около того же «острова» охотился за куропатками и Тургеневъ съ своей собакой Бубулькой. Вдругъ вся стая гончихъ «оборвалась», т. е. перестала гонять.

Когда охотники подбѣжали къ стаѣ собакъ, то ихъ глазамъ представилась слѣдующая картина: на полянѣ, окруженной гончими, стоитъ Иванъ Сергѣевичъ, держа надъ головой Бубульку. Гончія, конечно, были отозваны; но Иванъ Сергѣевичъ долго не

могъ успокоиться и, весь блѣдный, нервно ходя по полянѣ, все повторялъ! «Нѣтъ, это ужасно... Мамаево нашествіе... Я себѣ представить не могу того момента, когда гончія бросились за Бубулей... Какъ я увидалъ всю стаю... Гамъ... крикъ... визгъ Бубульки... Разрушеніе...».

Знакомые Ивана Сергѣевича помѣщики-охотники очень хотѣли посвятить его въ прелесть охоты съ гончими, устраивая для него нѣсколько разъ подобныя охоты. Разъ какъ то одна изъ нихъ вышла очень удачна, и Тургеневъ убилъ шесть зайцевъ. Можно было бить еще, но Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ на пень и положилъ около себя ружье. Его сотоварищи по охотѣ подошли къ нему. «Ну, что, Иванъ Сергѣевичъ, правда, вѣдь хороша охота?» засыпали они его вопросами. «Да, правда,»,— отвѣтилъ онъ, музыка есть, но поэзіи мало», и тутъ же съ своимъ обычнымъ юморомъ прибавилъ: «Вчера гоняли, сегодня гоняете,—имъ, бѣднымъ отдохнуть надо, а вы ихъ бьете». Тургеневъ, охотникъ «по перу», доказывалъ преимущество этой охоты; Николай же Толстой (братъ автора «Войны и мира»), наоборотъ. По этому поводу у нихъ велись нескончаемые споры, въ которыхъ принималъ участіе и Аѳанасій. Этотъ Аѳанасій— Аѳанасій Тимоѳеевичъ Алифановъ—сначала былъ крѣпостнымъ «егеремъ» П. И. Черемисинова (помѣщика Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи) и жилъ на оброкѣ у мелкопомѣстнаго помѣщика Глаголева. Разъ какъ-то Тургеневъ встрѣтилъ Аѳанасія на охотѣ, разговорился съ нимъ и, подмѣтивъ въ немъ настоящаго охотника, велѣлъ придти къ себѣ въ Спасское. Аѳанасій пришелъ и получилъ отъ Ивана Сергѣевича приказаніе узнать у своего барина, за сколько послѣдній согласится продать его. Аѳанасій явился въ Спасское во второй разъ и передалъ Ивану Сергѣевичу, что для этого нужно 1.000 руб. ассигнаціями. Тургеневъ далъ эти деньги Аѳанасію безъ всякаго обязательства, но съ условіемъ, чтобы послѣдній откупился на волю съ семьей (жена, пять дочерей и сынъ).

Аѳанасій, движимый признательностію, пришелъ къ Тургеневу заживать отданныя за него деньги; но Иванъ Сергѣевичъ платилъ ему жалованіе, какъ вольнонаемному слугѣ, и поселилъ его вмѣстѣ съ семьей верстахъ въ 3 отъ Спасскаго.

Аѳанасій сдержалъ свое намѣреніе—жить до самой смерти у Ивана Сергѣевича. Съ этимъ-то Аѳанасіемъ Иванъ Сергѣевичъ и совершалъ свои охотничьи экскурсіи,—онъ-то и фигурируетъ въ «Запискахъ Охотника» подъ именемъ «Ермолая».

Иванъ Сергѣевичъ снисходительно смотрѣлъ на Ермолая» и прощалъ ему многія выходки.

Отправляясь на охоту, Иванъ Сергѣевичъ любилъ брать съ свою половину бутылки портвейну и два такъ-называемые обварныхъ кренделя. Эти припасы носилъ обыкновенно Аѳанасій. Не разъ, послѣ долгой и упорной ходьбы, Иванъ Сергѣевичъ, желая подкрѣпиться, обращался къ Аѳанасію: «Ну, теперь можно бы и маленько закусить»; но, къ удивленію своему, слышалъ отъ Аѳанасія, что вино выпито, а крендели съѣдены.

— Какъ же это ты, братецъ, сдѣлалъ?—съ досадой спрашивалъ Тургеневъ.

— А такъ, Иванъ Сергѣевичъ, — прехладнокровно отвѣчалъ Аѳанасій,—раскупорилъ, налилъ, да и выпилъ.

Аѳанасію выдавалась «мѣсячина» и двѣ коровы, и вмѣнялось въ обязанность завѣдывать собаками Тургенева, которыя сдавались на его попеченіе по отъѣздѣ Ивана Сергѣевича за границу.

Какъ я уже сказалъ, Иванъ Сергѣевичъ поселилъ Аѳанасія верстахъ въ трехъ отъ Спасскаго, именно въ лѣсу, носящемъ названіе «Высокое»; здѣсь стоялъ домикъ Аѳанасія съ пристройками для гончихъ собакъ Ивана Сергѣевича, которыхъ онъ не переводилъ, какъ вещественное доказательство одного изъ проявленій любви къ нему матери.

Въ 1841 г. (жизнь В. П. была испорчена, и она какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ любви дѣйствовала порывами), мать, ожидая своего сына изъ-за границы, приготовила ему сюрпризъ: у Кривцовыхъ (чернскіе помѣщики) купила пять своръ борзыхъ, девять смычковъ гончихъ и лошадей вмѣстѣ съ сѣдлами.

Много лѣтъ спустя послѣ этого, у Тургенева шла переписка съ опекуномъ малолѣтнихъ Кривцовыхъ, Михневымъ, по поводу будто бы недоданныхъ за собакъ денегъ[1].

Тургеневъ, какъ настоящій охотникъ, страстно любилъ собакъ, преимущественно хорошей породы, для пріобрѣтенія которыхъ онъ не жалѣлъ денегъ. Замѣчательно его внимательное отношеніе къ объектамъ своей страсти. Находясь въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ всегда ложился спать только тогда, когда видѣлъ, что собака его была накормлена и лежитъ на постланномъ мѣстѣ, при чемъ онъ покрывалъ ее своею сорочкой (Иванъ

[1] См. «Русское Обозрѣніе», май 1894.

Сергѣевичъ мѣнялъ бѣлье каждый день). Его извѣстная въ литературѣ Діанка, подъ конецъ жизни оглохшая и ослѣпшая постоянно лежала на бархатной кушеткѣ.

Сосѣди-помѣщики часто обращались къ Тургеневу съ просьбой подарить имъ щеночка. Не живя постоянно въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ не могъ исполнить ихъ просьбы самъ, а поручалъ это дѣло Аѳанасію.

Послѣдній, если ему нравилось просившее лицо, выводилъ породистаго, безъ примѣси. Если же лицо, желавшее имѣть щенка, было несимпатично Аѳанасію, и къ тому же, что называется на охотничьемъ жаргонѣ, «налетный» охотникъ, то онъ нарочно устраивалъ такъ, что выходила помѣсь. Послѣднее обстоятельство и послужило причиной слуха, что Тургеневъ не любилъ давать щенковъ никому, а выбравъ себѣ лучшаго, остальныхъ приказывалъ топить при себѣ.

Самъ Аѳанасій очень любилъ собакъ.

Разъ какъ-то возвращался онъ съ охоты. Сопровождающій его Бубуль (дѣло было ночью) скатился въ оврагъ, саженей 16 глубины, и никакъ оттуда не могъ выбраться; Аѳанасій бросился за нимъ въ оврагъ и едва самъ не погибъ, спасая собаку. Эта черта—любовь къ собакамъ—и была одною изъ причинъ любви Ивана Сергѣевича къ Аѳанасію.

Вообще же, несмотря на разныя продѣлки Аѳанасія (иногда утаиваніе денегъ, пропиваніе довѣренныхъ ему вещей), за долгій промежутокъ времени, въ теченіе котораго гдѣ-гдѣ только не былъ Иванъ Сергѣевичъ съ Аѳанасіемъ, онъ сильно привязался къ послѣднему.

Конечно, видъ Аѳанасія вызывалъ передъ духовными очами Ивана Сергѣевича его молодость, клятвы даваемыя на охотѣ — быть непримиримымъ врагомъ деспотизма и крѣпостного права— и онъ все прощалъ Аѳанасію. Одинаковая страсть—къ охотѣ— съ Аѳанасіемъ настолько сблизила съ нимъ Тургенева, что, помимо заботливаго участія къ семьѣ Аѳанасія, Тургеневъ даже въ мелочахъ проявлялъ къ нему свое расположеніе. Видя ихъ обоихъ ѣдущихъ на охоту, трудно было по одеждѣ догадаться, кто изъ нихъ помѣщикъ, а кто его охотникъ, и только необыкновенный ростъ и величественная осанка выдавали Тургенева.

Пріобрѣтая себѣ пороховницу или какую-либо другую вещь для охоты, Тургеневъ не забывалъ и Аѳанасія, покупая и ему точно такую же.

Часто за-просто шелъ Иванъ Сергѣевичъ изъ Спасскаго въ Высокое и пилъ чай у Аѳанасія.

По возвращеніи изъ-за границы, едва успѣвши переодѣться, Иванъ Сергѣевичъ сейчасъ же посылалъ за Аѳанасіемъ. Являлся онъ. «Здравствуй, милый мой Афанасій!» привѣтствовалъ «баринъ» своего охотника, по-братски обнимая и цѣлуя его.

Когда къ Ивану Сергѣевичу пріѣзжали гости, Аѳанасій былъ уже въ комнатахъ и, заложивъ руки за спину и выставивъ правую ногу впередъ, передавалъ различные выдающіеся случаи на охотѣ.

Уѣзжая за границу, Иванъ Сергѣевичъ отдавалъ приказаніе своему управляющему, чтобы Аѳанасію отпускалось каждый денъ по рюмкѣ водки.

Когда умеръ Аѳанасій (1876 г.), къ Ивану Сергѣевичу въ Парижъ послана была телеграмма.

Пріѣхавши на слѣдующій годъ въ Спасское, Иванъ Сергѣевичъ призвалъ въ домъ все семейство Аѳанасія, при видѣ котораго не могъ сдержаться отъ слезъ и все произносилъ: «Ахъ, жалко, жалко, нѣтъ моего Аѳанасія, нѣтъ моего друга!»

И названіе «другъ» не было для Тургенева пустымъ словомъ: уходя отъ домашней неурядицы или во время нравственной туги на охоту, Иванъ Сергѣевичъ всегда чувствовалъ около себя присутствіе живого человѣка, искренно его любившаго и преданнаго ему.

Аѳанасій представлялъ собою типъ, — теперь уже, кажется, вымершій на Руси,—охотника съ ногъ до головы, всею душой и помыслами преданнаго охотѣ.

За три—четыре года до смерти онъ какъ-то сразу осунулся, одряхлѣлъ, а за годъ совершенно лишился употребленія ногъ и поэтому уже не могъ принимать участіе въ охотахъ. Въ письмахъ изъ Парижа Иванъ Сергѣевичъ заботливо освѣдомлялся о здоровьѣ своего вѣрнаго слуги-друга.

Но и больного окрестные помѣщики-охотники не оставляли въ покоѣ и всегда обращались къ нему за совѣтами во время своихъ поѣздокъ на охоту. Аѳанасій разскажетъ имъ, куда ѣхать и какъ стать, а самъ, сидя у окна и глядя на отъѣзжающихъ, горько-горько заплачетъ и долго не можетъ успокоиться.

Аѳанасій ничего не жалѣлъ, всякою вещью могъ подѣлиться, но ружье для него было такою святыней, которой не могли касаться даже домашніе.

Заболѣвъ и предчувствуя, что ему уже не придется болѣе охотиться, онъ разобралъ эту святыню, тщательно ее смазалъ и на ночь клалъ всегда себѣ подъ голову.

Когда тѣло этого охотника несли на кладбище—назовите это простою случайностію или совпаденіемъ—изъ ближайшаго перелѣска выскочилъ заяцъ и пересѣкъ дорогу похоронной процессіи. Слѣдовавшіе за гробомъ въ одинъ голосъ воскликнули: «Ахъ, некому тебя теперь убить!»

У Аѳанасія былъ сынъ Иванъ — первый скрипачъ, гармонистъ и хороводникъ — тоже охотникъ, но не долго пришлось ему прожить на свѣтѣ: 23 лѣтъ отъ роду онъ «вязалъ» сѣть въ саду, сорвался съ дерева и убился, оставивши послѣ себя трехлѣтняго сына Сашу, въ которомъ горячее участіе принялъ Иванъ Сергѣевичъ, давъ ему образованіе въ какой-то горной школѣ.

Не живя постоянно въ Россіи, Иванъ Сергѣевичъ просилъ своего брата Николая Сергѣевича заботиться о мальчикѣ. Въ библіотекѣ Спасскаго дома и теперь еще цѣлы дневникъ Н. С. за 1876, 1877 и 1878 годы, изъ которыхъ видно, какихъ горячо любящихъ, родныхъ людей нашелъ Саша въ лицѣ братьевъ Тургеневыхъ.

Кромѣ Ивана, у Аѳанасія остались дочери: Евдокія, Елена Анна и Наталія; изъ нихъ послѣдняя вышла замужъ за сельскаго учителя.

Любовь къ Аѳанасію Иванъ Сергѣевичъ, послѣ смерти его, перенесъ на его семью: онъ подарилъ его женѣ и дочерямъ осьминникъ земли и каждый годъ выдавалъ въ пособіе по 60 р.

IV.

Неутомимость Ивана Сергѣевича на охотѣ.—Отвращеніе къ насѣкомымъ.—Ночлеги.—Отношенія Ивана Сергѣевича къ товарищамъ по охотѣ.—Стрѣльба Ивана Сергѣевича.—Его нервность.—Шутки на охотѣ.—Способы отправленія на охоту.—«По-Тургеневски».—Мѣста охотъ Ивана Сергѣевича.—Собаки.—Ружья.

Иванъ Сергѣевичъ на охотѣ былъ неутомимый ходокъ. Бывало, только остановятся на привалѣ, разговорятся, а онъ уже торопитъ: «Идемте, идемте!» Съ ранней молодости онъ держался сутуловато.

Благодаря своей способности ходить долго и упорно, Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ охоту за куропатками, на которой, какъ говорится, нужно имѣть ноги да ноги.

Иванъ Сергѣевичъ терпѣть не могъ насѣкомыхъ (въ особенности таракановъ), составляющихъ принадлежность русской избы; одинъ видъ ихъ приводилъ его въ какое-то замѣшательство: веселый, разговорчивый до этого, онъ какъ-то сразу приникалъ, словно потерялъ что-то родное; поэтому онъ, если позволяла погода, спалъ обыкновенно въ экипажѣ; въ противномъ случаѣ—въ сараѣ, на сѣнѣ.

Его товарищи по охотѣ проснутся до свѣта, выйдутъ на крыльцо и переговариваются: «Ну что же, надо будить Ивана Сергѣевича», а въ отвѣтъ имъ ужь несется откликъ Тургенева: «Я сейчасъ, я не сплю, я давно проснулся». И черезъ нѣсколько минутъ его огромная фигура приближалась къ охотникамъ.

Иванъ Сергѣевичъ всегда былъ радъ товарищамъ на охотѣ, если они были порядочные люди. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Тургеневъ всѣхъ охотниковъ считалъ непремѣнно порядочными людьми. Его выраженіемъ на этотъ счетъ было: «Охотникъ,—слѣдовательно, порядочный человѣкъ».

Вотъ случай, показывающій, какъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ людямъ, которые сталкивались съ нимъ.

Случай этотъ до нѣкоторой степени показываетъ, что если онъ и былъ «бариномъ», то въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Какъ-то разъ здравствующій и до-нынѣ Л. В. К—овъ съ Черемисиновымъ изъ Шлыковскихъ кустовъ пріѣхали на Комаревскія болота, съ намѣреніемъ, переночевавъ, взять утреннее поле. Случилось, что нѣсколько раньше ихъ и съ тѣмъ же намѣреніемъ изъ Парахинскихъ кустовъ пріѣхалъ сюда же Иванъ Сергѣевичъ и остановился въ одной изъ избъ. Къ этой же избѣ подъѣхали К—овъ и Черемисиновъ.

Узнавъ о присутствіи Тургенева и не желая его стѣснять, пріѣхавшіе поспѣшили было ретироваться, но Иванъ Сергѣевичъ, выйдя на крыльцо, просилъ ихъ остаться здѣсь и заночевать съ нимъ. Утромъ Тургеневъ взялъ три клочка бумаги и, написавши на нихъ: «правая сторона», «средина», «лѣвая сторона», бросилъ жребій, кому куда идти.

Въ числѣ мотивовъ пріѣздовъ Тургенева въ Россію не послѣднимъ была и его страсть къ охотѣ. Ему съ обширною русскою душой не могла нравиться охота заграничная, гдѣ дичь нарочно разводится и держится чуть не въ садкахъ, — нѣтъ,

ему была люба другая охота, русская, гдѣ она обставлена столькими приключеніями, гдѣ приходится быть подъ дождемъ, проваливаться въ болотѣ или быть застигнутымъ страшною грозой въ большомъ лѣсу. Потомъ, на склонѣ своихъ дней, Иванъ Сергѣевичъ измѣнилъ свой взглядъ на русскую охоту, — ему уже не подъ силу было проходить, какъ прежде, огромныя пространства или перебираться съ кочки на кочку въ болотахъ.

Иванъ Сергѣевичъ былъ стрѣлокъ недюжинный, и только, какъ натура чрезвычайно нервная, обладалъ такимъ свойствомъ: если первый выстрѣлъ былъ удаченъ, остальные шли какъ по маслу, Иванъ Сергѣевичъ дѣлался въ это время необыкновенно веселымъ; его шуткамъ и конца не было. Рѣдко можно было найти такого душевнаго и предупредительнаго сотоварища.

Въ охотахъ иногда принималъ участіе Иванъ, сынъ Аѳанасія, который, хотя и унаслѣдовалъ отъ отца его страсть къ охотѣ, но стрѣлялъ очень плохо. Ему особенно доставалось отъ Ивана Сергѣевича; за каждымъ выстрѣломъ, неудачнымъ по обыкновенію, слѣдовалъ тонкій фальцетъ Ивана Сергѣевича: «подбирай, подбирай, Иванъ!»

Но стоило только Ивану Сергѣевичу первый разъ «пропуделять» (не попасть въ цѣль), онъ дѣлался неузнаваемымъ: сердился, нервничалъ, капризничалъ, именно капризничалъ, какъ женщина. Понятно, что въ такомъ состояніи выстрѣлы слѣдовали одинъ неудачнѣе другого, и Иванъ Сергѣевичъ все обвинялъ: и ружье, и погоду, и дичь; но, Боже упаси, только не самого себя! За каждымъ промахомъ онъ только и твердилъ: «Такъ ужъ и пойдетъ у меня, коли я не попалъ первый разъ, такъ ужъ и пойдетъ, такъ и пойдетъ!»

Его въ это время старались уговорить сѣсть отдохнуть, успокоиться, что̀, при извѣстной наклонности Тургенева ходить и ходить, было дѣломъ нелегкимъ. Но если уговаривавшіе достигали своей цѣли, то начиналось безконечное промываніе ружья.

Успокаивался Иванъ Сергѣевичъ, удачный выстрѣлъ, и Тургеневъ перерождался: его настроеніе на охотѣ всецѣло зависѣло отъ удачныхъ или неудачныхъ выстрѣловъ.

Въ ранней юности и позднѣе Иванъ Сергѣевичъ отправлялся на охоту большею частію пѣшкомъ, часто очень далеко; при этомъ на самой охотѣ онъ выхаживалъ большія пространства. Иногда въ этотъ же періодъ онъ уѣзжалъ на охоту на бѣговыхъ дрожкахъ.

Въ періодъ возмужалости Иванъ Сергѣевичъ, прекрасно обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, придаетъ охотѣ другой оттѣнокъ—оттѣнокъ комфорта. Въ это время, когда Тургеневъ приглашалъ на охоту гостей, къ обыкновеннымъ экипажамъ присоединялся еще экипажъ-ледникъ, въ которомъ хранились дичь и вино; при этомъ поваръ сопровождалъ охотниковъ.

Иванъ Сергѣевичъ не ѣлъ дичи, имъ самимъ застрѣленной; вообще же онъ предпочиталъ полежалую.

Въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи и въ Мценскомъ Орловской былъ распространенъ одно время особенный способъ жарить зайцевъ, введенный въ употребленіе Тургеневымъ (онъ такъ и назывался «по-Тургеневски»). Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: съ зайца снимали шкурку, потрошили, приготовляли какъ бы жарить, а потомъ опять надѣвали шкурку, зарывали въ землю, и на этомъ мѣстѣ разводили огонь.

Въ періодъ юности и возмужалости Ивана Сергѣевича, — слѣдовательно, до эмансипаціи, — въ Орловской, Тульской, а частью и Курской губерніяхъ, лѣса еще не были вырублены, болота не осушены, и охотничьему сердцу нашего романиста было гдѣ разгуляться.

Село Спасское-Лутовиново, тогда окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсами, давало возможность пользоваться хорошими охотничьими угодьями.

Тутъ же начинался Чернскій уѣздъ, а дальше Бѣлевскій Тульской губерніи, въ которыхъ раскидывались обильные тетеревами и рябчиками Парахинскіе (теперь распаханные) и Шлыковскіе кусты, а изъ болотъ гремѣли чуть не на три губерніи летавшими на нихъ бекасами, дупелями и утками, не говоря уже о безчисленныхъ стаяхъ всевозможныхъ куликовъ, Комаревскія (при деревнѣ того же имени) по рр. Истѣ, впадающей въ Зушу, и Аранѣ.

Кромѣ того, Иванъ Сергѣевичъ отправлялся за утками въ Льговъ (верстахъ въ 63 отъ Орла), Болховского уѣзда Орловской губерніи.

Въ послѣднее время почти каждый годъ ѣздилъ онъ за тетеревами въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи. Кстати, поселеніе Хоря («Хорь и Калинычъ») разрослось въ порядочное селеніе.

За дупелями и бекасами охотился нерѣдко Иванъ Сергѣевичъ на болотахъ по рр. Вытебети и Ресетѣ. Болота эти и теперь

славятся у насъ, хотя значеніе ихъ положительно падаетъ каждый годъ. Причина этому — дренажъ, который однимъ концомъ ударилъ по дичи, а другимъ по урожаю: отсутствіе влаги губительно дѣйствуетъ на посѣвы. Осушка болотъ и вырубка лѣсовъ — измѣнили у насъ и самый климатъ: весна наступаетъ быстро — не оглянешься, а ужъ сухое лѣто, съ дождями какъ рѣдкость; осень тоже съ каждымъ годомъ становится суше.

У Ивана Сергѣевича, охотившагося чуть не полвѣка, перебывало много собакъ. Вотъ замѣчательныя изъ нихъ:

Напль — французской породы, кофейно-пѣгій.

Діана — бланжево-пѣгій англійскій пойнтеръ. Когда она пала отъ старости, Иванъ Сергѣевичъ зарылъ ее въ саду подъ дубомъ, посаженнымъ имъ въ дѣтствѣ[1]; работавшіе при этомъ крестьяне были угощены на славу. Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ Діану, съ которою онъ охотился въ лучшую пору жизни. Долго-долго онъ не могъ забыть ее и постоянно ее вспоминалъ. Сама по себѣ это была чистопородная и замѣчательно умная собака.

Бубуль — желтовато-пѣгій пойнтеръ.

Зима — коричневый пойнтеръ.

Осень — бѣлый пойнтеръ, съ коричневыми пятнами на головѣ и ушахъ.

Бубулька — черно-пѣгій пойнтеръ.

Ночка — дочь Бубульки.

Донъ-данъ, красный ирландскій сеттеръ, подаренный Тургеневу кѣмъ-то (кажется, Некрасовымъ) въ Петербургѣ, почему Иванъ Сергѣевичъ къ его кличкѣ «Донъ» и прибавилъ «данъ», то-есть подаренъ.

Фламбо, совершенно черный какъ жукъ, помѣсь англійскаго пойнтера съ нѣмецкою легавой, купленный Тургеневымъ въ Дармштадтѣ, у главнаго лѣсничаго Бауера.

Пегасъ, черный съ желтыми подпалинами, помѣсь англійскаго сеттера съ нѣмецкою овчарною собакой, купленный Тургеневымъ близъ Карлсруэ, у охотника-сторожа.

Ружей у Ивана Сергѣевича было множество. Помяну тѣ, которыми онъ особенно дорожилъ:

[1] Дубъ этотъ растетъ и въ настоящее время. Своею почти правильною полусферическою кроной онъ шумитъ, напоминая о томъ, кто сыгралъ такую важную роль въ исторіи русскаго развитія.

Тульское, сдѣланное ему по заказу. Этимъ ружьемъ Иванъ Сергѣевичъ всегда хвалился и по поводу его фантазировалъ, чего можетъ достичь отечественное производство. Лепажъ. Мортимеръ. Бланшардъ. Лебеда.

V.

Случай на охотѣ.—Стрѣльба воронъ въ саду.—Грачевникъ.—Любовь Тургенева къ зелени.—Разговоръ о чортѣ.

Разъ, въ началѣ осени, Иванъ Сергѣевичъ охотился за вальдшнепами около Спасскаго. Съ опушки поднялся вальдшнепъ и «потянулъ» къ полю, дѣлая свою обычную дугу. Иванъ Сергѣевичъ выстрѣлилъ по немъ, не замѣтивъ, по своей близорукости, что тутъ же, по направленію летящей птицы, работала баба,—кажется, брала коноплю. Вслѣдъ за выстрѣломъ раздается неистовый крикъ: «Ахъ, батюшки, убилъ меня баринъ, совсѣмъ убилъ!»

Перепуганный Тургеневъ подбѣжалъ къ катавшейся по землѣ бабѣ и началъ ее утѣшать и успокаивать, а потомъ отдалъ ей бывшіе у него случайно 25 рублей и велѣлъ придти въ Спасское, обѣщая дать еще, а самъ бросилъ охоту и, блѣдный и разстроенный, пришелъ домой.

Баба, однако, не пришла въ Спасское: совѣсть зазрила,—какъ оказалось потомъ, всего-на-всего одна только дробина попала въ нее и вдавила рубаху немного въ тѣло.

Послѣднее время, мучимый подагрой, Иванъ Сергѣевичъ не могъ ужъ отдаваться своей страсти. Однако часто, сидя въ саду, онъ просилъ камердинера нагнать на него хоть ворону. Послѣдняя нагонялась, но выстрѣлъ слѣдовалъ неудачный: съ костылемъ стрѣлять неудобно. Послѣ этого Иванъ Сергѣевичъ садился на лавку и грустно-грустно поникалъ головой, произнося: «Прежде безъ промаха бекасовъ билъ, а теперь и въ ворону не попадаю,—видно, Петръ, умирать пора!»

Любя природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, Иванъ Сергѣевичъ не приказалъ разорять гнѣздъ грачей, которые основали огромную колонію на березахъ, въ нижнихъ частяхъ сада. Здѣсь же задумалъ Иванъ Сергѣевичъ вырыть колодезь и поставить около него часовенку съ образомъ Герасима-грачевника; до воды не дорылись,—и въ настоящее время одна только яма свидѣтельствуетъ о намѣреніи Тургенева.

Живя въ Спасскомъ преимущественно лѣтомъ (я говорю про послѣднее время), Иванъ Сергѣевичъ часто пріѣзжалъ въ Мценскъ къ купцу Ш. за покупками и, пользуясь случаемъ, отдыхалъ отъ жары въ «палаткѣ» (комната за стѣной лавки). Когда онъ первый разъ вошелъ въ «палатку», то удивился, какъ это люди могутъ жить въ такую жару безъ зелени — не на чемъ глазу остановиться, и высказалъ это купцу.

Съ тѣхъ поръ къ пріѣзду Тургенева «палатка» украшалась березками, липами, а полъ ея выстилался травой. Разъ какъ-то, во время разговора съ этимъ купцомъ, Тургеневъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А знаете, почему чортъ такъ уменъ?

Купецъ молчалъ.

— А вотъ, если бы съ вами прожили тысячъ 8 лѣтъ, то, пожалуй, были бы умнѣе чорта, — разрѣшилъ свой вопросъ Иванъ Сергѣевичъ.

Льговъ, село Болховского уѣзда Орловской губерніи.

(Посвящается памяти Ивана Сергѣевича Тургенева).

«Поѣдемте-ка въ Льговъ», сказалъ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай: — «мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь». (Записки Охотника, стр. 76, шестое изданіе 1883 года).

Между ст. «Хотынецъ» (57 верстъ отъ Орла по Ор. В. ж. д.) и полустанкомъ «Девять Дубовъ», въ недалекомъ разстояніи отъ села Абалмасова, беретъ свое начало рѣка Вытебеть, впадающая въ Калужской губерніи въ Жиздру, притокъ Оки съ лѣвой стороны. Вытебеть — болотная рѣчка. Протекши 17—18 верстъ, при наибольшей ширинѣ въ 10—12 саженей на этомъ разстояніи (да и то въ очень немногихъ мѣстахъ, верстахъ въ 6 отъ Льгова, а то обыкновенная ширина ея въ $1^1/_2$—3 сажени) и недоходя до Льгова, большого степного села, дворовъ въ 330 (верстахъ въ 60 отъ Орла, въ 45 отъ Болхова, и въ 35 отъ Карачева, уѣздныхъ городовъ Орловской губерніи) версты 3, она расширяется и образуетъ прудъ, саженей въ 400 наибольшей ширины. Среди села находится плотина и мельница; за плотиной Вытебеть течетъ опять въ видѣ обыкновенной болотной рѣки.

Льговскій прудъ и есть именно тотъ, про который покойный Иванъ Сергѣевичъ говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее:

«Льговъ—большое степное село съ весьма древней, каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ (здѣсь, очевидно, неточность, такъ какъ эта рѣка —

Вытебеть). Эта рѣчка, верстъ за 5 отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ посрединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по-орловскому «майеромъ».

«На этомъ-то прудѣ въ заводяхъ или затишьяхъ между тростниками выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и проч. Небольшія стаи то и дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одною рукою за шапку и протяжно говорилъ: фу-у!».

Многое измѣнилось въ Льговѣ со времени посѣщенія его Тургеневымъ. Прудъ значительно уменьшился. Лѣтъ 15 тому назадъ разрушилась окончательно хатенка «Сучка» (котораго, кстати сказать, звали и «Крючкомъ») и унесена кѣмъ-то чугунная урна съ могилы графа Бланжія. Послѣдній владѣлецъ Льгова, князь Голицынъ, продалъ его лѣтъ 12 тому назадъ компаніи Русанова и Л. С. Полякова; первый въ 87 году вышелъ изъ компаніи, и въ настоящее время единственнымъ владѣльцемъ Льгова (главнымъ образомъ лѣсовъ, которые идутъ въ длину верстъ по 20, начинаясь у Вытебети и оканчиваясь у Ресеты, текущей какъ разъ по границѣ съ Жиздринскимъ уѣздомъ, Калужской губерніи, имѣя въ ширину отъ 1 до 5 верстъ; строевого лѣса осталось мало, преимущественно же «заросль») состоитъ Поляковъ. Лѣсной складъ на ст. «Хотынецъ» почти что уничтоженъ. Вмѣсто 2-хъ мельницъ теперь только одна. Правый берегъ Льговскаго пруда въ самомъ селѣ представляетъ почти прямую линію, а лѣвый — ломаную. Поверхность воды пруда лѣтомъ почти сплошь покрывается желтыми и бѣлыми кувшинками и водяными лиліями, а подъ поверхностію масса подводныхъ растеній. Бѣлые цвѣты (кувшинки), называемые здѣсь «макомъ», крестьяне ѣдятъ, а цвѣты плодовъ желтыхъ (желтой кувшинки?) носятъ названіе «ёха» и считаются ядовитыми. Крестьяне ѣдятъ также лѣтомъ мягкія подводныя части тростника, называя ихъ «нюнька». Во время цвѣтенія воды прудъ затягивается ряской, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть не на палецъ въ толщину. По пруду расположены большіе острова, представляющіе мѣста для сѣнокоса, и мелкіе, по мѣстному «колчи», заросшіе то тростникомъ, по орловски «майеромъ», то ситникомъ, такъ что прудъ, если посмотрѣть на него съ высокаго мѣста, представляетъ зеленое пространство, по которому

текутъ рѣчонки и разбросаны маленькія озера. Многія «колчи» прикрѣплены ко дну такъ непрочно, что ихъ можно оторвать.

Пространство между «колчами» и островами и представляютъ заводи и «плесы».

Контора Полякова отдаетъ мельницу въ аренду за 1200 рублей въ годъ. Правомъ рыбной ловли пользуются трое мѣстныхъ крестьянъ, платя за это 75 рублей въ годъ.

Вотъ ихъ собственныя слова относительно прибыльности ихъ занятія! «Въ иной годъ и прибыль получишь, а въ иной годъ и корову со двора сведешь».

Вся пойманная рыба идетъ на продажу главнымъ образомъ въ Карачевъ.

Ловля производится и лѣтомъ, и зимою, главнымъ образомъ по мѣстному «нарѣтами», устройство которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: 2 деревянныхъ обруча обтягиваются сѣткой, цилиндръ этотъ оканчивается конусомъ тоже изъ сѣтки. Вотъ породы рыбы, водящейся здѣсь: щука, налимъ, линь, карась (золотистый и серебристый), язь, подъязокъ, окунь.

Здѣсь же большое количество раковъ. Общее зло — моченіе пеньки въ рѣкахъ—практикуется и въ Льговѣ. Послѣдствія, конечно, извѣстны. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, жалко было смотрѣть на ошалѣлую щуку и другую рыбу; раки цѣлыми массами выползли на берега, и ихъ только лѣнивый не собиралъ.

Да, нужно сознаться, что невѣжество еще въ полной силѣ въ деревняхъ. Чѣмъ другимъ, какъ не этимъ, объяснить моченіе пеньки въ рѣкахъ. Сколько гибнетъ даромъ бѣдной рыбы!

Можно бы, кажется, вырыть ямы около рѣки, наполнять ихъ водою (на помощь, впрочемъ, въ дождливую осень является и сама природа) да и мочить въ нихъ пеньку;—но нѣтъ, такъ не поступаютъ, а если и поступаютъ то въ очень немногихъ мѣстностяхъ...

Льговскій прудъ замѣчателенъ не рыбою, но дичью, утками преимущественно, водящимися въ «майерѣ» по островамъ и «колчамъ».

Утки здѣсь различныхъ породъ, начиная крошечнымъ «чиркомъ», и кончая лысухой и огромной кряквой. Но и здѣсь, какъ, вѣроятно, вездѣ на Руси, бѣдной птицѣ препятствуютъ правильно размножаться крестьяне, которые весной собираютъ много утиныхъ яицъ, особенно лысухъ, такъ какъ послѣднія не слишкомъ тщательно укрываютъ свои гнѣзда отъ человѣческаго

глаза. Яйца ихъ пришлись по вкусу крестьянъ, что ясно видно изъ ихъ собственныхъ словъ: «Какъ сдѣлаешь изъ нихъ яишню,— дюже скусна бываетъ».

Въ срединѣ лѣта утки здѣсь замѣчательно смирны: въ какихъ нибудь 30 шагахъ отъ избъ, стоящихъ на берегу пруда, плаваютъ ихъ цѣлые выводки. Въ началѣ и въ концѣ осени, кромѣ выведшихся здѣсь, сбиваются еще на прудъ огромныя стаи прибылыхъ. Окрестныя поля представляютъ отличныя мѣста для кормежки утокъ, и по зарямъ онѣ цѣлыми массами то улетаютъ съ пруда, то возвращаются на него. При пролетѣ въ глубокую осень на прудѣ останавливается масса гусей: обыкновенно всю ночь напролетъ слышно ихъ гоготанье. Отбившіеся даже и днемъ встрѣчаются въ камышахъ и иногда присосѣживаются къ домашнимъ. Въ нынѣшнемъ году пара близко подплыла къ ригѣ и убита была однимъ охотникомъ. Мальчикъ убилъ палкой гуся, плававшаго съ дворовыми. Случается, хотя и не каждый годъ, что и лебеди удостоиваютъ прудъ своимъ посѣщеніемъ.

Въ 1886 году стадо въ 9 штукъ особенно долго гостило на прудѣ, за что 2 штуки поплатились жизнью: на одномъ изъ острововъ былъ сдѣланъ шалашъ, и изъ него то и стрѣляли въ лебедей. Въ 1887 году на прудъ прилетѣло уже 12 штукъ, изъ которыхъ взята половина.

Прекрасная здѣсь охота на утокъ съ подъѣзда! Заѣдешь въ тростники, точно въ лѣсъ, и то-и-дѣло поднимаешь кургузыхъ птицъ.

По утреннимъ зарямъ, особенно въ вѣтряную погоду, когда утки не слышатъ шума плывущей лодки, часто случается такъ: подъѣдешь къ «плесу», и глазамъ представляется такая картина: десятки утокъ, завернувъ головы подъ крылья, усѣиваютъ поверхность воды. Позабудешь объ ружьѣ, обо всемъ въ мірѣ, глядишь и не наглядишься на эту картину, пока какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ не выдашь своего присутствія, послѣ чего утки снимутся и пойдутъ вверхъ. Очнешься тогда отъ своего созерцанія и начнешь сѣтовать, что не стрѣлялъ...

На этомъ же прудѣ большое количество чибисовъ, чаекъ, рыболововъ и выпей или водяныхъ быковъ, а также болотныхъ курочекъ и цаплей.

Въ разныхъ мѣстахъ надъ озеромъ носятся большіе ястреба, которые то-и-дѣло поднимаютъ стада утокъ.

Хорошъ прудъ лѣтомъ и въ началѣ осени! Заплывешь въ тростники—вверху небо, внизу вода, а вокругъ тебя такъ ласково и нѣжно шуршитъ «майеръ», что право, какъ бы ни было тяжело на душѣ, все забудешь...

А тамъ, вдали, по теченію, словно рамка картины, по правому и лѣвому берегамъ—избы деревни, церковь, плотина, съ мельницею направо, а вверхъ по теченію молодой сосенникъ, растущій по песку, песчаные бугры...

Разнообразные птичьи крики то-и-дѣло раздаются въ воздухѣ.., Мать—природа, какъ ты хороша и съ какою любовью встрѣчаешь того, кто на груди твоей ищетъ успокоенія!

Берега рѣки и пруда представляютъ прекрасныя бекасиныя болота, которыя, къ сожалѣнію, чрезвычайно узки и къ тому топки. Такъ, въ 1886 году, въ какихъ-нибудь 18 шагахъ отъ совершенно твердой земли, здѣсь провалился кучеръ одного помѣщика изъ-подъ Орла, О—ва, хотѣвшій достать убитую имъ утку. Той же участи и въ томъ же году подвергся бы и я, если бы не товарищъ, успѣвшій схватить меня за куртку.

Въ окрестныхъ лѣсахъ масса низкихъ залитыхъ водою мѣстъ и заросшихъ осокою, носящихъ мѣстное названіе «амшаровъ». Въ нихъ то всегда можно найдти пары двѣ бекасовъ, пару утокъ, несмотря на то, что большинство «амшаръ» представляютъ собою небольшіе четыреугольники, саженей 10 въ длину и 5 въ ширину. Къ концу лѣта и въ началѣ осени утки днемъ, въ особенности въ жаркіе дни, и скрываются по этимъ «амшарамъ».

Охота по послѣднимъ чрезвычайно удобна—самъ идешь по совершенно сухой песчаной почвѣ, а собака между тѣмъ въ болотѣ, и всякая сорвавшаяся птица летитъ въ мѣру ружейнаго выстрѣла — вотъ лѣсоболотная охота-то! Порядочный стрѣлокъ, обошедши десятокъ «амшаръ», всегда положитъ въ ягдташъ десятка два бекасовъ, да паръ 5 утокъ.

На плотинѣ, на высокомъ столбѣ, виднѣется дощечка съ надписью, гласящей: «Охота на прудѣ и на лугахъ запрещается». По отношенію къ мѣстнымъ крестьянамъ это запрещеніе не имѣетъ смысла, такъ какъ Льговъ, несмотря на свою многолюдность (900 душъ мужескаго пола), не изобилуетъ охотниками изъ крестьянъ: только человѣка три имѣютъ ружья (но что это за ружья! Даже смотрѣть на нихъ страшно, не то что стрѣлять), да и они не бьютъ ни «бяказовъ», ни «вутокъ», а только изрѣдка предпринимаютъ охоты на зайцевъ, которыхъ здѣсь изо-

биліе, подкарауливая ихъ около гуменъ или сходя по слѣдамъ. Рѣдко-рѣдко кто изъ крестьянъ (преимущественно рыболовы) поставитъ пленки на томъ мѣстѣ, гдѣ ночуютъ утки. Кромѣ этихъ немвродовъ, сынъ мѣстнаго трактирщика, молодой парень, каждый день чуть не по два раза обѣгаетъ прудъ и не столько убиваетъ, сколько распугиваетъ утокъ.

Управляющій Льговымъ С. Т—ичъ Леан—ъ стрѣляетъ иногда утокъ, но онъ—да не посѣтуетъ онъ на мои слова—далеко не охотникъ по страсти, а сталъ охотиться потому, что ужъ больно-то много дичи подъ руками. Охотятся же здѣсь или окрестные помѣщики, между которыми выдѣляется, какъ рьяный охотникъ и мѣткій стрѣлокъ, истребляющій очень и очень большое количество дичи, мировой судья А—тинъ, и пріѣзжающіе изъ Орла и Карачева. Послѣдніе не возвращаются, конечно, отсюда съ пустыми руками; на мѣстѣ же охоты они оставляютъ массу подранковъ, такъ какъ выстрѣлъ въ поднявшуюся стаю не остается безъ послѣдствій. Да и не всякая убитая утка попадаетъ въ ягдташъ, потому что нѣкоторыя утки, убитыя наповалъ попадаютъ въ такой густой «майеръ», откуда извлечь ихъ нѣтъ никакой возможности. Раненые тоже уходятъ и прячутся. Мнѣ пришлось убѣдиться, насколько на этомъ озерѣ утка крѣпка къ ружью осенью. Ударишь—утка летитъ. «Ну», думаешь, «промазалъ». Смотришь, пролетѣвши шаговъ двѣсти или триста, утка моментально опускается внизъ. Подъѣдешь — въ уткѣ ни признака жизни.

Зимою, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, озеро не замерзаетъ, и около этихъ то незамерзающихъ мѣстъ и сбивается большое количество утокъ, которыя ловятся мѣстными крестьянами. Сначала мужички полагали, что это утки, остающіяся зимовать, но теперь они убѣдились окончательно, что онѣ представляютъ собою подранковъ. Эти подранки и ловятся мужичками, главнымъ образомъ рыбаками, имѣющими болѣе прямое отношеніе къ пруду. Кости у подранковъ прекрасно срастаются и раны заживаютъ. Не знаю, неужели они теряютъ навсегда способность летать? Или, можетъ быть, на другой годъ они стали бы летать?

По Льговскому озеру можно наглядымъ образомъ убѣдиться въ прогрессивномъ уменьшеніи дичи въ средней полосѣ Россіи. Въ 1882 году, еще не будучи охотникомъ, я, весь подъ обояніемъ теплыхъ, задушевныхъ «Записокъ охотника», нѣсколько разъ лѣтомъ и осенью посѣщалъ это озеро. Такъ много утокъ

перелетало съ мѣста на мѣсто, такъ много плавало ихъ по водной поверхности, что мнѣ не вѣрилось, чтобы я былъ въ какихъ-нибудь 60 верстахъ отъ Орла. Цѣлые часы проводилъ я, стоя на берегу и наблюдая за утками, и думалось мнѣ, что я далеко-далеко отъ губернскихъ и иныхъ городовъ, въ мѣстахъ, куда еще не проникла изнанка цивилизаціи. Право, картина такъ была похожа на ту, которую такъ мастерски и живо нарисовалъ незабвенный Иванъ Сергѣевичъ, что, казалось, вотъ-вотъ покажется изъ-за тростниковъ дощаникъ съ стоящими на немъ Ермолаемъ, Сучкомъ, Владиміромъ и авторомъ «Записокъ». Воображеніе все разыгрывалось, и уже передъ моими глазами тянулось шествіе по водѣ съ Ермолаемъ во главѣ, вооруженнымъ длиннымъ шестомъ съ гирляндой тянущихся за нимъ утокъ, нанизанныхъ на веревку, и Сучкомъ, замыкающимъ шествіе и то скрывающимся въ водѣ, то выбирающимся изъ нея. Видя передъ собою массы утокъ, невольно задавалъ я себѣ вопросъ—что же было на этомъ озерѣ тогда, когда эти мѣста посѣщалъ Иванъ Сергѣевичъ?

Однако, по всей вѣроятности, съ того времени до 1882 года уменьшеніе дичи не шло въ такой степени, какъ съ этого года до нынѣшняго. Въ какіе-нибудь пять-шесть лѣтъ утокъ уменьшилось здѣсь уже настолько, что не осталось и десятой доли того, что было. Причина уменьшенія понятна: многія болота въ окрестностяхъ осушены, и тамъ, куда съ великимъ трудомъ — да и то въ замѣчательно сухое лѣто—проникалъ человѣкъ, свободно разгуливаетъ косарь въ концѣ іюля и началѣ августа; лѣса сдѣлались жертвами хищнической эксплоатаціи, а вмѣстѣ съ ними многія рѣченки, служившія въ былое время притономъ утокъ, во время высиживанія,—въ настоящее время пересохли.

Думаю, что черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ мои слова, а тѣмъ болѣе слова Тургенева относительно количества утокъ на Льговскомъ озерѣ, будутъ казаться неправдоподобными и преувеличенными.

Грустно, право, становится глядѣть на столь быстрое уменьшеніе дичи, а когда подумаешь, что средства сообщенія улучшаются и даютъ возможность съ малою затратою денегъ и времени проникать въ самыя укромныя мѣста, гдѣ водится дичь, то больно дѣлается на душѣ.

По моему мнѣнію, главная причина уменьшенія дичи—жадность человѣческая. Со всѣмъ можно бороться, только не съ

нею, не знающею предѣловъ. Мои слова понятны будутъ охотнику и вмѣстѣ съ тѣмъ любителю природы. Не разъ ему, вѣроятно, приходилось смотрѣть на дѣйствія «царей природы»,—гдѣ можно бы было, кажется, вполнѣ потѣшить свою душу надъ двумя тремя десятками, тамъ производилась бойня цѣлыхъ сотенъ—да и куда шли эти сотни? Если не всѣ, то добрая ихъ половина тутъ же зря выкидывалась. Съ жадностью бороться нельзя. Всякое общество охоты, какъ бы оно не было правильно организовано, безсильно въ борьбѣ съ нею. Многіе ли охотники бьютъ дичь тогда, когда она бываетъ въ порѣ?

Промышленникъ бьетъ дичь, не справляясь о времени, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ кормитъ своимъ промысломъ и себя, и свою семью,—значитъ, ихъ дѣйствія оправдываются борьбою за существованіе, изъ-за насущнаго хлѣба, но что же можетъ представить въ свое оправданіе человѣкъ интеллигентный или считающій себя таковымъ? Вотъ и причина того, что встрѣчаешь печатное сѣтованіе на уменьшеніе дичи, а рядомъ съ этимъ результаты своей охоты, выраженные въ сотняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе бѣдной дичи далеко-далеко неприглядное: мѣста для ея вывода, благодаря осушкѣ болотъ и вырубкѣ лѣсовъ, уменьшаются, а число истребителей увеличивается; вмѣстѣ съ тѣмъ средства истребленія разнообразятся и увеличиваются; пути сообщенія улучшаются и удешевляются. Какъ множиться бѣдной птицѣ когда ее бьютъ, какъ только она покажется весною, бьютъ лѣтомъ въ періодъ высиживанія, бьютъ во время отлета? Если ужъ нельзя уничтожить совсѣмъ весеннюю охоту, то хоть бы ограничить количественно. Примѣрно ограничился бы человѣкъ десяткомъ вальдшнеповъ, десяткомъ бекасовъ, парами двумя утокъ. Конечно, для этого необходимо, чтобы это убѣжденіе охватило такъ сказать всѣхъ охотниковъ-любителей (на промышленниковъ можно бы подѣйствовать силою закона), чтобы не требовалось побужденій извнѣ, а то если бы собрать точныя свѣдѣнія убитыхъ птицъ при пролетѣ весною, то пришлось бы удивляться, какъ птицы эти еще не перевелись. Мнѣ, напримѣръ, извѣстны случаи, когда три охотника во время двухнедѣльной охоты взяли до двухсотъ дупелей.—Я удивился только, будучи не въ силахъ понять такой высокой степени жадности.

Конечно, если принять во вниманіе поговорку: «На нашъ вѣкъ хватитъ», то тогда и разсуждать можно иначе. По моему

же мнѣнію, не мѣшало бы позаботиться и о будущемъ; да развѣ въ правѣ мы требовать, чтобы нѣкоторые виды животнаго міра существовали только для насъ? Теперь посмотришь, такъ, право, становится грустно: вѣдь бѣдная дичь находится de facto внѣ всякаго закона. Еще обиднѣе становится, когда подумаешь, что человѣкъ самъ вредитъ себѣ, такъ какъ вмѣстѣ съ замѣтнымъ уменьшеніемъ пернатаго міра нарушаетъ гармонію природы.

Забытая усадьба.

(Посвящается Ѳ. В. Цвѣтаеву).

Недавно я посѣтилъ имѣніе Ивана Сергѣевича Тургенева, Спасское-Лутовиново, которое находится въ 12 верстахъ отъ Мценска. Когда-то этотъ городъ, лежащій на рѣкѣ Зушѣ, впадающей въ Оку, отправлялъ по ней на баркахъ хлѣбъ въ зернѣ, масло, деготь, пеньку, канаты и бечеву. Но прошла желѣзная дорога, и значеніе Мценска, какъ торговой пристани, падая постепенно, теперь сошло на ничто, и самая рѣка обмелѣла до неузнаваемости.

У обѣднѣвшаго города осталось только одно значеніе—религіозное: въ мѣстномъ соборѣ находится высокочтимая чудотворная икона св. Николая, на поклоненіе которой стекается много богомольцевъ.

Тургеневъ интересовался этимъ городомъ, живя и за границей. Въ письмѣ, напримѣръ, къ Фету, онъ пишетъ: «Напиши мнѣ о соборѣ, о грачахъ, о перевозѣ черезъ Зушу» и т. п.

Верстахъ въ 10 отъ Мценска, ниже по Зушѣ, лежатъ Новоселки—родовое имѣніе Фета; чтобы попасть туда, нужно переѣхать Зушу на паромѣ; часто бывалъ Иванъ Сергѣевичъ въ Новоселкахъ.

Изъ Мценска доѣхать до Спасскаго не особенно дорого: васъ съ удовольствіемъ отвезутъ за 2—3 рубля на парѣ лошадей; и если вы разсчитываете вернуться обратно въ тотъ же день, то и привезутъ обратно, не взявъ ни копейки лишняго.

Съ Троицкой улицы дорога поднимается на гору, съ которой, оглянувшись назадъ, любуешься довольно красивой панорамой небольшого чистенькаго уѣзднаго городка. Версты черезъ

три, дорога раздѣляется — одна идетъ лѣвѣе, по Бѣлевскому тракту, вдоль обрывистаго праваго берега Зуши, за которой виднѣется желѣзно-дорожная линія, а за ней возвышенная волнообразная мѣстность, съ березовыми рощами и деревнями, очень пріятная для глаза, особенно при мягкомъ солнечномъ освѣщеніи. Другая дорога, направо, идетъ по проселку. Она нѣсколько короче первой, да и мѣстность здѣсь живописнѣе, а потому я направился по ней. Первыя подгороднія деревни — Верхняя и Нижняя Зарощи. Онѣ получили свое названіе отъ протекающей черезъ нихъ рѣки Зарощи. Рѣка узенькая и мелкая, такъ что ее свободно можно переѣхать въ бродъ. За рѣкой тянется «узволокъ» (не особенно длинное и высокое возвышеніе). За нимъ дорога пролегаетъ между двумя садами. Изъ нихъ тотъ, что расположенъ налѣво, очень великъ и отличается правильной посадкой деревьевъ. Это имѣніе принадлежитъ князю Меншикову. Еще версты двѣ, опять деревня Катушинцево. Она принадлежала сыну знаменитаго артиста Михаила Семеновича Щепкина, Александру Михайловичу. По смерти послѣдняго имъ управляла его жена, и только недавно оно продано Мироненко. Два внука Михаила Семеновича и одна внучка разбрелись въ разныя стороны. Старшій внукъ Николай служитъ въ Ельцѣ, а внучка живетъ гдѣ-то въ Крыму.

Младшій внукъ, названный въ честь своего великаго дѣда Михаиломъ, лицомъ напоминаетъ послѣдняго. Онъ живетъ въ Мценскѣ и арендуетъ городскую землю, принимая иногда участіе въ концертахъ, устраиваемыхъ любителями; по отзывамъ многихъ, онъ очень хорошо исполняетъ куплеты. Съ нимъ живетъ его тетка—родная дочь Михаила Семеновича — несчастное существо, не удавшееся какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Она кое-что помнитъ объ отцѣ и говоритъ объ этомъ осмысленно, напримѣръ, объ его смерти въ Крыму.

Михаилъ Александровичъ, въ высшей степени любезный человѣкъ, передавалъ мнѣ очень характерную черту Михаила Семеновича, слышанную имъ отъ своего отца. Великій артистъ былъ безграничной доброты и, помогая людямъ, отдавалъ имъ часто буквально послѣднія деньги; не разъ жена жаловалась знакомымъ, что иногда проситъ денегъ у мужа (дѣти почти разуты), а у него ихъ нѣтъ—только-что отдалъ такому-то. У Михаила Семеновича была страсть отыскивать сценическіе таланты въ дѣтяхъ. Покажется ему, что вотъ такой-то мальчикъ обла-

даетъ талантомъ, всѣ средства употребитъ, чтобы взять его къ себѣ на воспитаніе. И вотъ мальчикъ живетъ у Щепкиныхъ (между своими дѣтьми и чужими ни въ чемъ не дѣлалось разницы), выростетъ, а, смотришь, изъ него ничего и не вышло,— и сколько было такихъ примѣровъ! Извѣстно, что жена Михаила Семеновича была плѣнная турчанка, выучившаяся писать уже въ зрѣломъ возрастѣ. Она, оказывается, составила очень обстоятельныя записки о своей жизни. М. А. показывалъ мнѣ объемистыя тетради—жаль, что онъ почему-то ихъ не печатаетъ— онѣ, по моему мнѣнію, много пролили бы свѣта на частную жизнь великаго артиста и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательной доброты человѣка.

Не далеко отъ Катушинцева и Спасское-Лутовиново.

При въѣздѣ въ него прежде всего бросается въ глаза часовня, построенная на средства Ивана Сергѣевича въ память Александра II, но не радуетъ ея внѣшній видъ въ настоящее время...

Село расположено на очень ровномъ возвышенномъ мѣстѣ, по обѣимъ сторонамъ широкой улицы. Сейчасъ же, какъ кончаются крестьянскія хаты, выгонъ, а дальше двѣ-три усадьбы бывшихъ дворовыхъ людей Тургенева; потомъ длинный красивый деревянный домъ — бывшая при Тургеневѣ богадѣльня, потомъ аптека. Рядомъ ворота, ведущія въ усадьбу, а дальше зданіе Тургеневской школы... бывшей, къ сожалѣнію, до 1884 года.

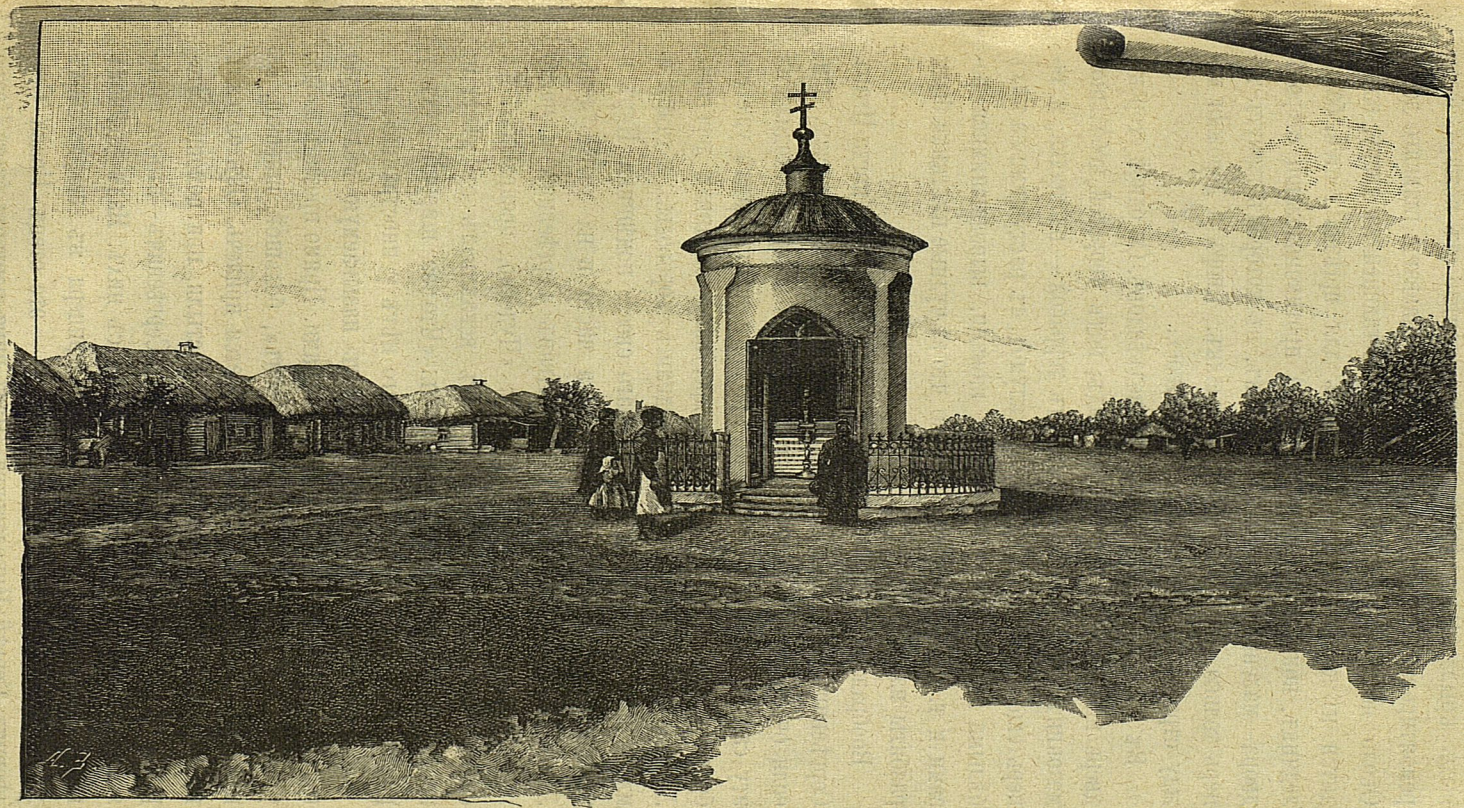
Поколѣнія на родинѣ великаго писателя растутъ, не получая возможности наслаждаться высоко поэтическими строками «Записокъ Охотника»... а онъ, покойный, такъ любилъ и лелѣялъ свою школу.

Вправо отъ бывшей школы церковь, очень красивая, каменная, а еще правѣе, черезъ дорогу, усадьбы духовенства.

Барскаго дома не видно съ улицы: искусно скрытый деревьями, онъ словно прячется отъ посторонняго глаза. Въѣзжаемъ на дворъ,—вотъ и онъ! Но тихо, никто не выходитъ встрѣчать, никого не видно въ окнахъ...

Передъ глазами развертывается картина забытаго, сиротливаго, когда-то кипѣвшаго жизнью, дворянскаго гнѣзда...

То, что называется теперь главнымъ домомъ, есть только остатокъ бывшаго дома рода Лутовиновыхъ, сгорѣвшаго въ 1840 году. Этотъ домъ представлялъ изъ себя уходящій отъ



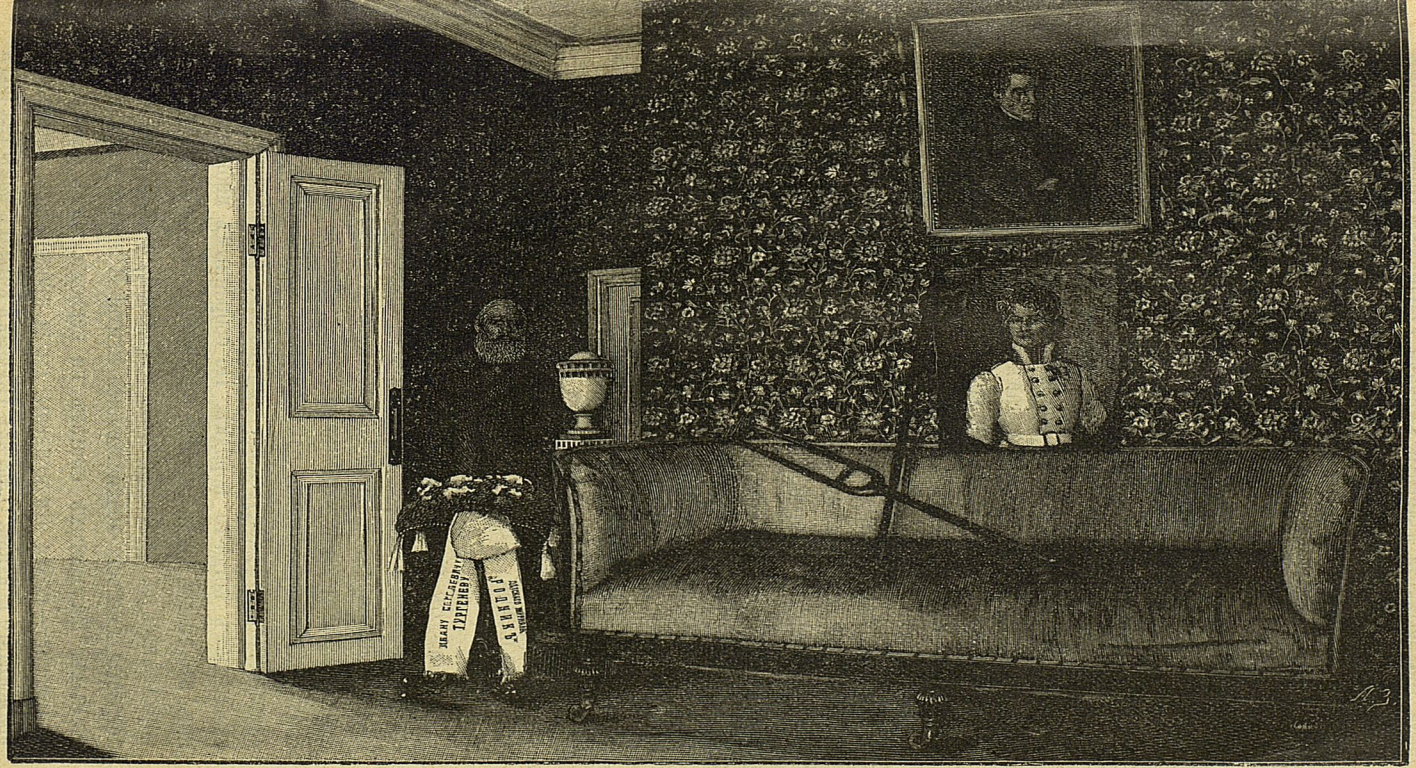
Село Спасское и часовня.

церкви почти правильный полукругъ: средина и два боковыхъ крыла. Одно (лѣвое) крыло уцѣлѣло отъ пожара, было ремонтировано, оно-то теперь и носитъ названіе главнаго дома. Около него, съ одной стороны, прилегающей къ двору, находится нѣсколько строеній: флигель для пріѣзда гостей, баня, ледникъ, конюшня и каретная, а на противоположной сторонѣ двора—маленькій деревянный домикъ, въ которомъ живутъ теперь только садовникъ да караульщикъ. Дворъ и дорожки между строеніями поросли густою травою...

Въ главномъ домѣ нѣсколько подъѣздовъ. Съ одной стороны дверь выходитъ на террасу въ садъ; подъ террасой небольшой мезонинъ, комнаты въ три. Передъ террасой — площадка; и теперь еще на ней видны остатки клумбъ, съ растущими на нихъ бѣлыми незабудками, душистыми піонами, выродившимися розами и т. п. А еще такъ недавно что за чудные цвѣтники были разбиты на этомъ мѣстѣ!

Воображеніе невольно переноситъ въ то время, когда Иванъ Сергѣевичъ, въ самый день своего пріѣзда въ Спасское, или, если очень усталъ, то на другой день, къ вечеру, выходилъ на эту самую террасу, садился въ кресло, а на площадкѣ уже собрались заранѣе приглашенные крестьяне сосѣднихъ деревень. Лились нескончаемыя пѣсни; водились хороводы... и старъ и младъ находили угощеніе у бывшаго своего помѣщика. Пиръ и веселье продолжались на другой, а часто и на третій день. Любовался весельемъ крестьянъ Иванъ Сергѣевичъ и часто произносилъ мягкимъ фальцетомъ: «Чудесно, прекрасно!». Въ сильно патетическихъ мѣстахъ онъ вскакивалъ съ мѣста и, нервно ходя по террасѣ, восклицалъ: «Что за широкій духъ у русскаго человѣка—ничего подобнаго нѣтъ у иностранца».

Съ террассы дверь ведетъ въ такъ называемую маленькую гостиную, обитую красивыми шпалерами. Прямо противъ входа, у стѣны, стоитъ диванъ — «самосонъ», большой, широкій, на который, дѣйствительно, такъ и хочется прилечь. Онъ описанъ въ «Наканунѣ»; на немъ лежатъ костыли, при помощи которыхъ послѣднее время ходилъ Иванъ Сергѣевичъ—кто-то, вѣроятно, изъ посѣтителей снялъ колечки съ нихъ. Надъ диваномъ виситъ портретъ очень красиваго офицера въ гвардейскомъ мундирѣ, съ почти женскимъ лицомъ — это отецъ Ивана Сергѣевича, Сергѣй Николаевичъ. Надъ нимъ портретъ брата Ивана Сергѣевича, Николая. Около дивана — столикъ, а на немъ вѣ-



Кабинетъ Тургенева въ селѣ Спасскомъ.

(Верхній портретъ Ник. Серг. Тургенева; внизу—Сергѣй Ник. Тургеневъ; въ углу—бывшій лакей Ивана Серг.—Петръ Мих. Перегримовъ; у стѣны диванъ—«самосонъ»).

нокъ отъ редакціи дѣтскаго журнала «Родникъ». Почему одинъ и именно этотъ вѣнокъ былъ послѣ процессіи пересланъ въ деревню, я, несмотря на всѣ разспросы, ни отъ кого такъ и не могъ добиться отвѣта. Изъ этой комнаты, направо, вы входите въ портретную, по стѣнамъ которой висятъ поясные, писанные масляными красками, портреты рода Лутовиновыхъ. Жаль, что нѣтъ на нихъ надписей, и только на холстѣ одного читаешь, что это Алексѣй Ивановичъ Лутовиновъ (братъ Ивана Ивановича). Нѣсколько красавицъ въ пышныхъ прическахъ улыбаются со стѣны тою улыбкою, какою только и могли улыбаться прекрасныя созданія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Налѣво находится такъ называемая угольная комната. Слѣдующей за этими двумя комнатами принадлежитъ, по значенію, первое мѣсто во всемъ спасскомъ домѣ—она служила и кабинетомъ и спальней для писателя. Еще недавно въ ней стоялъ, въ простѣнкѣ между окнами, его столъ, а передъ нимъ его любимое широкое кресло; въ углу висѣла икона Нерукотвореннаго Спаса, въ серебряномъ окладѣ, которой такъ дорожилъ незабвенный романистъ.

У противоположной стѣны, за деревянными, раскрашенными цвѣтами, ширмами, стояла его широкая кровать... Теперь уже этого ничего нѣтъ здѣсь, и только на простѣнкѣ, передъ столомъ, уцѣлѣли литографическіе портреты Бѣлинскаго и Михаила Семеновича Щепкина.

Далѣе — комната (называвшаяся при матери Тургенева — «казино»), вся уставленная англійскими и нѣмецкими словарями.

Рядомъ съ нею библіотека. Такъ какъ Иванъ Сергѣевичъ очень любилъ игру на билліардѣ, то посреди этой комнаты стоитъ билліардъ, хотя довольно посредственный. Всѣ стѣны плотно заставлены книжными шкафами. Трудно разобраться въ библіотекѣ теперь; только однѣ надписи на шкафахъ, въ родѣ «англійскія», «французскія», «журналы», свидѣтельствуютъ о ея бывшемъ когда-то порядкѣ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, это только часть бывшей библіотеки, но, несмотря на это, поражаешься ея разнообразіемъ: и классики, и философы, и беллетристы, и сельско-хозяйственныя книги! И все это на разныхъ языкахъ. На многихъ книгахъ на первомъ листѣ автографы Бѣлинскаго—книги эти куплены, когда продавалась библіотека знаменитаго критика. Одна изъ угловыхъ комнатъ извѣстна подъ

именемъ «Савинской» — въ ней всегда жила наша знаменитая артистка во время своихъ пріѣздовъ въ Спасское погостить у гостепріимнаго хозяина; въ ожиданіи ея маститый писатель проводилъ нѣсколько дней въ хлопотахъ, привѣшивая шторы, вбивая въ стѣну гвоздики и т. п. Другая, налѣво, тоже угловая, называется «комната Бѣлинскаго»—опять нельзя добиться почему. Кромѣ этого ряда комнатъ, идущихъ во всю длину дома есть еще много маленькихъ, но онѣ мало замѣчательны. Только въ одной изъ нихъ, на комодѣ, стоятъ нѣсколько масленыхъ портретовъ, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе: старушка, вяжущая чулокъ; старушка (видимо, бѣдная дворянка, приживалка) съ цыплятами въ рукахъ. Домъ въ безпорядкѣ: по стѣнамъ и въ углахъ пыль и паутина; во многихъ мѣстахъ полы провалились...

При усадьбѣ нѣтъ хозяйственныхъ построекъ—всѣ онѣ находятся на хуторѣ Петровскомъ: такимъ образомъ докучные дневные звуки не долетали до слуха Ивана Сергѣевича, и онъ, окруженный тишиною, весь погружался въ творчество.

Отъ дома мѣстность, по направленію къ сѣверу, представляетъ пологую покатость, на которой разбитъ садъ. Тогда какъ первый постепенно упадаетъ, этотъ нѣмой свидѣтель прошлаго разростается все пышнѣе и пышнѣе.

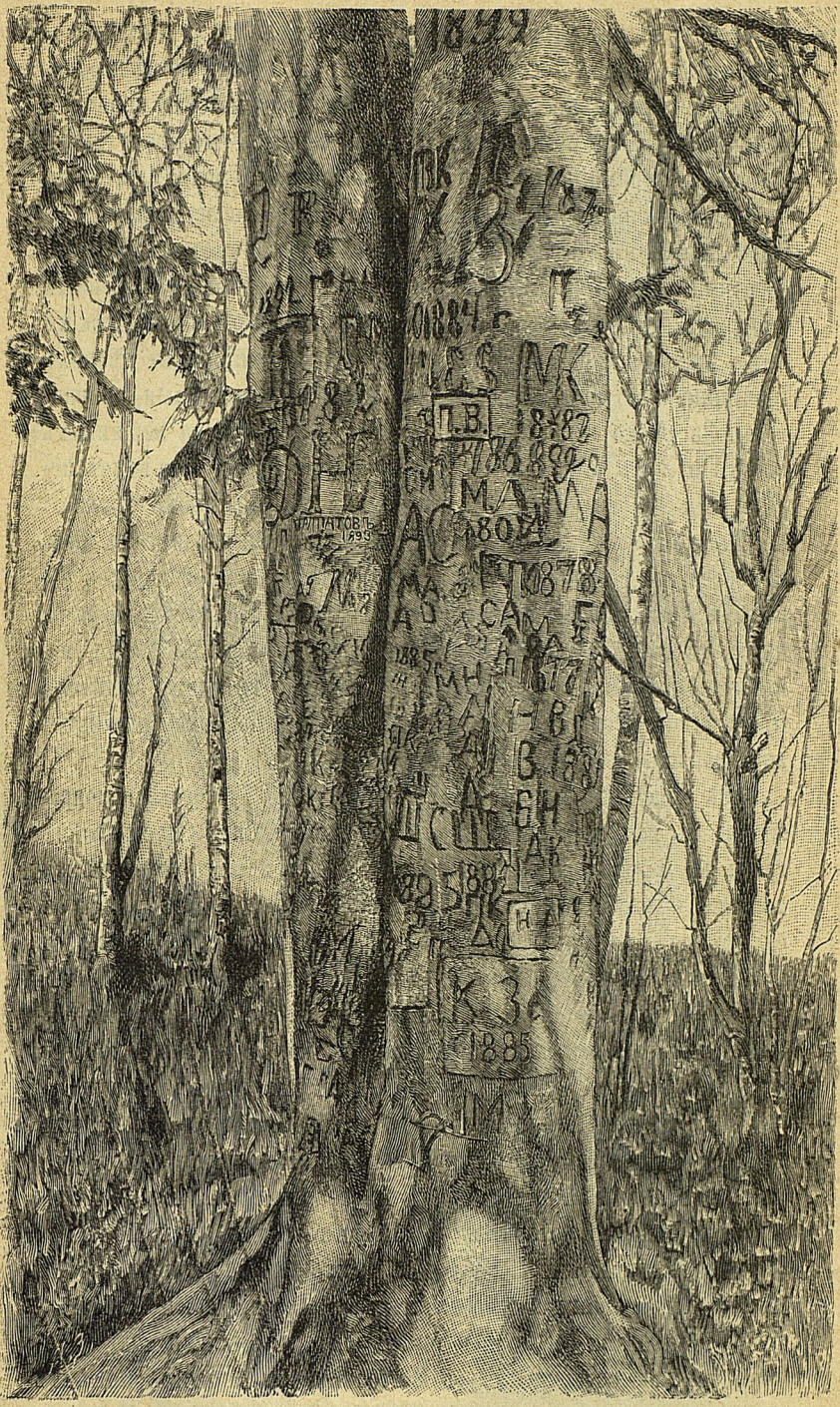
Нѣтъ, всѣ эти многочисленныя и разнообразныя породы деревьевъ, собранныя на этомъ пространствѣ, нельзя назвать «садомъ», «паркомъ» или «лѣсомъ»—здѣсь все это перемѣшалось, и въ смѣшеніи образовало что-то такое стройное, гармоничное, полное художественнаго значенія, чему нѣтъ названія. Для возсозданія этого великолѣпія все это обработывалось по вкусу нѣсколькихъ поколѣній; къ силѣ природы прибавлялось усиліе тысячей рукъ человѣческихъ—вотъ и получилось то, что носитъ имя «сада» при усадьбѣ села Спасскаго: стройные, серебристые тополи; необъятной высоты, многое видавшія на своемъ вѣку, липы; раскинувшіяся въ ширь и бѣлыми колоннами поднимающіяся кверху статныя березы; крѣпко сидящіе въ землѣ съ вѣчною тѣнью подъ ними могучіе дубы. И надъ всѣмъ этимъ, развѣтвленнымъ и опушеннымъ листьями всевозможнаго вида и разнообразныхъ красокъ, зеленымъ царствомъ поднимаютъ свои остроконечныя кроны красавицы-ели; раскидываютъ неправильной формы шатры изъ иглъ многовѣковыя сосны. А ниже, въ срединѣ этого зеленаго царства, набросаны купы орѣшника, боярышника, островки ви-

шенъ и сливъ... Образовавшаяся когда-то полянка почти сплошь уже заросла стройными съ вѣчно зыблющимися листьями осинами; акація непроницаемой стѣной покрыла пригорокъ; цѣлые вѣнки терновнику на возвышеніяхъ; молодыя березки идутъ въ перемежку съ яблонями и грушами; къ нимъ кое-гдѣ присоединяются каштаны. Вотъ совершенно лѣсная полянка. Въ укромныхъ уголкахъ выскакиваютъ изъ-подъ кустовъ крупные ландыши. А сколько клубники всюду, куда ни кинешь взглядъ: кажется, ее нарочно здѣсь сѣяли. Масса грибовъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ. «Садъ» не разбитъ по какому нибудь шаблону дорожками, съ преобладаніемъ той или другой древесной породы—нѣтъ, онъ на всемъ громадномъ пространствѣ представляетъ разнообразіе и неуловимость формъ, пестрое, красивое своими разновидностями, сочетаніе древесныхъ породъ. Трудно разобраться въ этомъ царствѣ, и много-много дней нужно посвятить, чтобы имѣть о немъ полное понятіе; нужно его видѣть и весною, и лѣтомъ, и осенью, и раннимъ утромъ, и въ знойный полдень, и тогда, когда дневное свѣтило только-что начнетъ скрываться за горизонтомъ. Въ направленіи къ востоку (идя отъ дома) преобладаютъ липы, березы и дубы, а частью ясень и осина. Въ сѣверо-восточномъ углу цѣлая роща столѣтнихъ елей: ни одна травка не растетъ подъ ними—такъ близко приблизились ихъ вершины—словно въ дремучій боръ, не одну сотню лѣтъ стоящій, попали вы. Къ сѣверу высятся липы, а за ними старыя, старыя сосны, наклонившись вершинами, словно любуются своимъ отраженіемъ въ ровной поверхности заросшаго какъ бы уснувшаго пруда. На западъ опять преобладаютъ липы, а за ними цѣлая березовая роща раскинулась по оврагу и скатамъ его. Въ срединѣ, недалеко отъ дома—многочисленныя гряды клубники, кусты крыжовника и смородины, оранжерея, уже давно требующая серьезной поправки, и остатки парниковъ — вотъ приблизительная картина того, что представлялось всегда моему взору, когда я блуждалъ по обширному «саду» Спасскаго.

Все это восхитительное пространство съ востока окружено земляным валомъ, съ юга обрамлено, такъ называемымъ, большимъ прудомъ, а съ запада съ одной стороны переходитъ въ заросшее пространство, а съ другой прерывается глубокимъ рвомъ.

А какое разнообразіе пернатаго міра въ саду.

Мелкія пташки — корольки, горихвостки, пѣночки, варакушки, малиновки, то-и-дѣло перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто, суетятся, отыскивая кормъ, не забывая въ то же время воздать, каждая



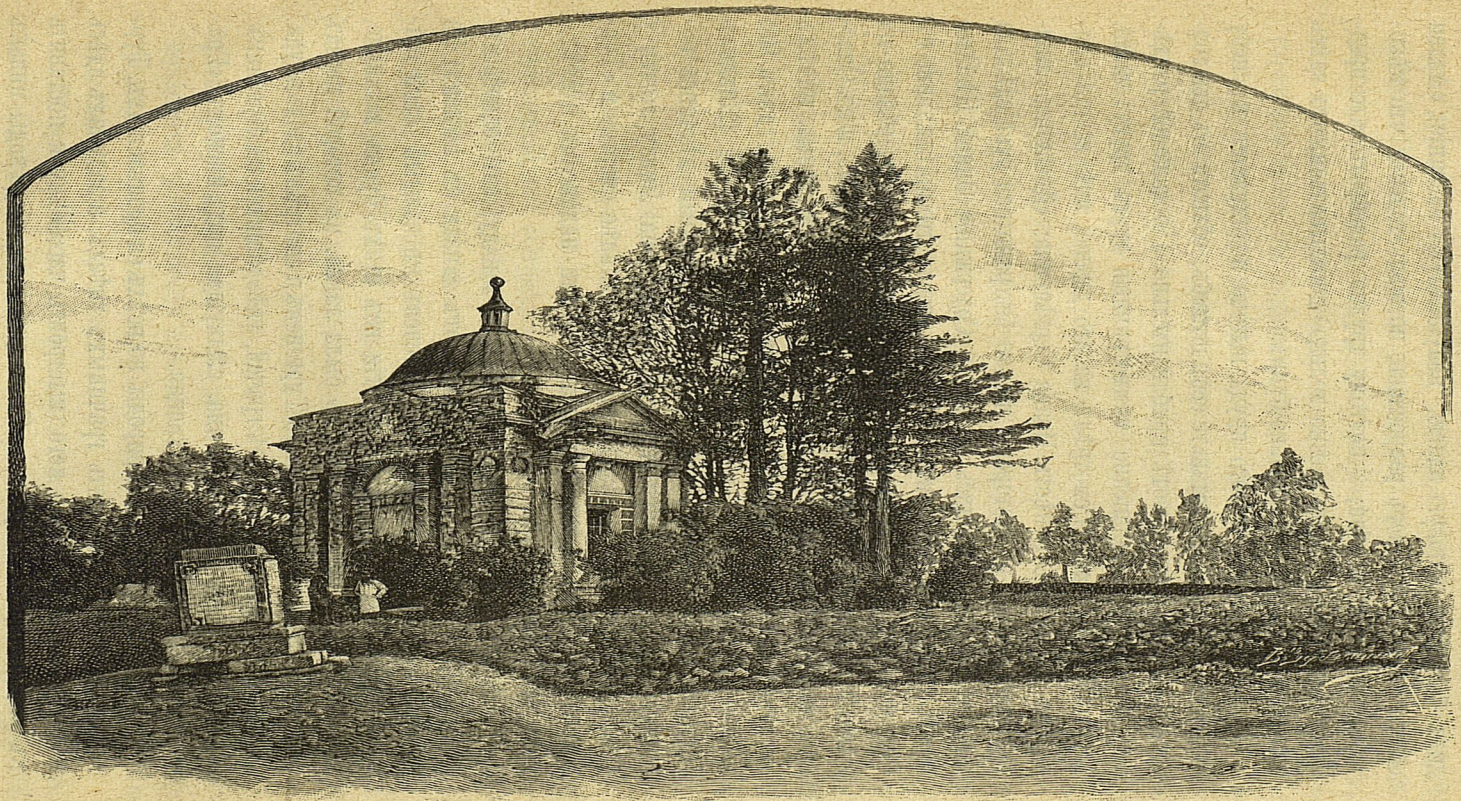
Ели «Два брата» въ с. Спасскомъ.

по своему, гимнъ утру или вечеру. А весной, когда тысячи соловьиныхъ пѣсней несутся съ разныхъ концовъ, встрѣчаются, перекрещиваются и стоятъ надъ садомъ! Дрозды всѣхъ породъ— орѣховники, рябинники, пѣвчіе, сѣрые и черные — то прячутся въ листвѣ, то тучами носятся по саду, смотря по времени года. Длинноногія неуклюжія цапли вьютъ свои гнѣзда на вершинахъ старыхъ деревьевъ. Тысячи паръ грачей устроили свою колонію въ березнякѣ и своимъ гамомъ придаютъ саду какой-то особенный колоритъ въ знойный полдень въ концѣ весны и началѣ лѣта; къ нимъ присоединяютъ свои мурлыканья спрятавшіяся въ вѣтвяхъ горлинки, а по временамъ, словно чѣмъ-то напуганныя, пронзительно и рѣзко вскрикиваютъ иволги. Здѣсь же, на вершинахъ сосенъ и липъ, нашли пріютъ для вывода дѣтей даже всѣхъ породъ ястреба; по сосновымъ вѣтвямъ ловко прыгаютъ бѣлки.

Въ этомъ саду художникъ чувствовалъ себя въ другомъ мірѣ, и передъ его духовными очами проносились стройной чередой образы и факты. Разъ какъ-то, въ отсутствіе Ивана Сергѣевича, пріѣхалъ къ нему покойный профессоръ живописи Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ, осмотрѣлъ садъ и передъ отъѣздомъ замѣтилъ провожавшему его лакею Тургенева: «Ну, Иванъ Сергѣевичъ здѣсь живетъ, какъ Адамъ въ раю!».

Всѣ описанія природы въ произведеніяхъ Тургенева неподражаемы въ ихъ художественномъ исполненіи. Садъ Спасскаго сыгралъ не малую роль въ развитіи одной изъ яркихъ чертъ въ художникѣ — его необыкновенной любви къ природѣ и чуткости къ ея пониманію. Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ, при раздѣлѣ съ братомъ наслѣдства, оставилъ за собою Спасское, а потомъ продавъ всѣ имѣнія, оставилъ только его. Часто находясь въ самомъ критическомъ положеніи, онъ, однако, не рѣшался продать Спасское, съ которымъ сроднилась его артистическая натура.

Сколько перебывало въ этомъ саду представителей печатнаго слова или артистическаго искуства, составляющихъ гордость русской націи! Извѣстно то широкое гостепріимство и чисто русское хлѣбосольство, съ которымъ принималъ гостей въ высшей степени радушный хозяинъ. Разбросанныя во многихъ частяхъ сада купы липъ, пользовавшихся особеннымъ расположеніемъ Ивана Сергѣевича, образовали бесѣдки; и теперь еще сохранились полусгнившіе столбы — остатки лавокъ и столовъ; здѣсь часто сиживалъ писатель-художникъ и передавалъ свои мысли бумагѣ. Недалеко отъ церкви есть круглая бесѣдка изъ высокихъ липъ, въ которой написанъ «Рудинъ».



Мавзолей И. И. Лутовинова.

Во время своего безвыѣзднаго пребыванія (1853—1855 гг.) въ Спасскомъ, Иванъ Сергѣевичъ собственными руками насадилъ большую липовую аллею, получившую названіе «Аллеи ссыльнаго». Она теперь разрослась, но жаль только, что нѣкоторыя деревья погибли; а поэтому трудно разобрать, что представляетъ собою аллея, можно только догадываться, что здѣсь начертана одна или нѣсколько буквъ.

Недалеко отъ большого пруда высоко поднимается къ небу ель «Два брата». Представьте себѣ штамбъ, обхвата въ два толщины, который на высотѣ приблизительно $1^1/_2$ саженей раздѣляется на двѣ, совершенно симметричныя другъ другу части. Каждый разъ, какъ я смотрѣлъ на это дерево, мнѣ всегда приходила на память повѣсть Ивана Сергѣевича: «Дневникъ лишняго человѣка», въ которомъ чья-то безграмотная рука сдѣлала приписку: «Сію рукопись читалъ и Содержаніе Онной Нѣ Одобрилъ Пѣтръ Зудотѣшинъ». Дѣло въ томъ, что пріѣзжавшіе въ Спасское представители литературы и искусства вырѣзали на «Двухъ братьяхъ» свои иниціалы. Умеръ Тургеневъ, и въ Спасское стали пріѣзжать почитатели его таланта и своими, ничѣмъ не замѣчательными именами изрѣзали весь штамбъ, такъ что теперь уже съ трудомъ найдешь, напримѣръ, М. Щ. (Михаилъ Щепкинъ). Какъ жаль, что испорчена эта живая лѣтопись посѣтителей Спасскаго при жизни его владѣльца! Внизу, почти у самой земли, кто-то вырѣзалъ: «Любовь сильнѣе смерти» и «Тургеневъ умеръ, но живъ для насъ»,—этими надписями и слѣдовало бы ограничиться.

Недалеко отъ «Двухъ братьевъ» къ западу, изъ одного мѣста поднимаются три штамба липъ (отъ запада къ востоку). На одномъ изъ нихъ, западномъ, Тургеневъ въ каждый свой пріѣздъ вырѣзывалъ букву Т. Многія изъ этихъ буквъ затянуло, ясно видны только пять. Здѣсь была лавка, на которой передъ вечеромъ обыкновенно сидѣлъ Тургеневъ и смотрѣлъ вдоль пруда.

Я уже упоминалъ о массѣ грачей, гнѣздящихся въ березнякѣ. Тутъ есть полузасыпанная яма, слывущая подъ именемъ «Грачевника». Исторія его слѣдующая.

Страстный любитель природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, Тургеневъ не велѣлъ разорять грачиныхъ гнѣздъ, а задумалъ здѣсь вырыть колодезь, около него выстроить часовенку и поставить въ ней икону св. Герасима. Стали работать; но до воды никакъ не могли докопаться; тогда яму и засыпали; теперь она поросла папоротникомъ.

Во всемъ саду есть только одна прямая дорожка, ведущая съ юга на сѣверъ, къ «Большому пруду». Рядомъ съ нимъ есть другой — «Кузнечный», теперь заросшій и затянутый ряской. Почти въ верстѣ отсюда, къ западу, если идти вдоль оврага, есть еще третій прудъ—«Варнавицкій»—собственно мѣсто, на которомъ онъ былъ, такъ какъ въ 1822 году случилась страшная гроза съ ливнемъ, переполнившимъ этотъ прудъ. Плотина не выдержала напора воды и прудъ ушелъ. Около него и теперь еще есть колодезь (бывшій прежде подъ навѣсомъ). Сюда-то, каждый день послѣ обѣда, съ кружкой въ рукѣ, направлялся Иванъ Сергѣевичъ пить воду; онъ не могъ нахвалиться качествомъ воды и часто говорилъ, что такой не приходилось ему пить нигдѣ за границей.

Къ югу отъ колодца, наверху, стоитъ усадьба, принадлежавшая Кудряшеву, сверстнику и слугѣ Тургенева, бывшему съ нимъ въ Берлинѣ (это тотъ Кудряшевъ, который, убравъ комнаты, самъ уходилъ вслѣдъ за бариномъ въ университетъ и слушалъ лекціи, а потомъ выдержалъ экзаменъ на званіе врача).

Народная фантазія наполнила садъ различными привидѣніями. И до сихъ поръ спасскіе крестьяне передаютъ, что о полночь по плотинѣ, около пруда, по дорожкамъ ходятъ какіе-то люди. Разъ какъ-то сторожъ прибѣжалъ къ одному изъ бывшихъ дворовыхъ и съ ужасомъ объявилъ, что внутренность дома освѣщена; на окнахъ отражаются тѣни ходящихъ взадъ и впередъ гостей.

Въ полуверстѣ отъ Спасскаго находится хуторъ Петровскій, описанный въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Въ немъ сосредоточено управленіе имѣніемъ. Во флигелѣ, въ которомъ помѣщается управляющій, въ одну изъ комнатъ перенесены изъ спасскаго дома круглый столъ, бронзовые столовые часы работы Нортона и диванъ, а въ другой за ширмами, стоитъ кровать Тургенева. Объ эти комнаты составляютъ отдѣльную половину на случай пріѣзда владѣльца или кого изъ постороннихъ.

Верстахъ въ 18-ти отъ Спасскаго, въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, находится Тургенево, родовое имѣніе Сергѣя Николаевича, доставшееся при раздѣлѣ послѣ смерти Варвары Петровны, старшему ея сыну, Николаю, а теперь перешедшее къ родственникамъ его жены.

Тѣ названія лѣсовъ, урочищъ и деревень, которыя вы узнали изъ «Записокъ охотника» или повѣстей, вы уже слышите отъ крестьянъ на пространствѣ между Спасскимъ и Тургеневымъ и

вокругъ нихъ. «Трацкое», «Пришній», «Высокое», «Чаплыгино», «Колотовка», «Варнавицы»... и въ душѣ возстаютъ веренипы образовъ и событій, вызываемыя этими именами.

Вотъ она передъ глазами та березовая роща, въ которой знаменитый охотникъ схватилъ во всей ея полнотѣ безысходную тоску молодой дѣвушки, только чувствующей, но не хотѣвшей сознаться, то-есть констатировать фактъ, что она обманута... Вотъ и «Бѣжинъ лугъ»[1], на которомъ заблудившійся послѣ охоты Тургеневъ, лежа подъ обглоданнымъ кустикомъ, изучалъ безхитростное, полное чарующей прелести, міросозерцаніе крестьянскихъ дѣтей... Вотъ и Колотовка[2], гдѣ въ «Притынномъ» происходило знаменитое состязаніе пѣвцовъ, и гдѣ авторъ подмѣтилъ у русскаго народа чувство высшей эстетической красоты, а потомъ, спускаясь съ горы, въ вечернемъ сумракѣ долго слышалъ перекрикиваніе двухъ мальчиковъ по поводу того, что одного изъ нихъ, Антропку, тятька высичь хочитъ... А вотъ и садъ («Три встрѣчи») при селѣ Глинскомъ[3], любуясь которымъ, при возвращеніи съ охоты, писатель понялъ самъ, а потомъ такъ художественно выразилъ, какая цѣльность получается въ природѣ, когда къ краскамъ коснется звукъ... Вотъ и Чаплыгино[4], куда Тургеневъ ребенкомъ ходилъ гулять съ своимъ гувернеромъ. На каждомъ почти шагу встрѣчаешь какъ будто знакомыя мѣста,—такъ художественно вѣрно сдѣланы описанія мѣстностей въ произведеніяхъ Тургенева.

Разъ какъ-то, гуляя, мы подошли къ хатѣ бывшаго дворовaго человѣка. У воротъ, съ ремешкомъ вокругъ головы, стоялъ старикъ и, поднявъ руку въ видѣ щитка надъ глазами, смотрѣлъ вдаль.

— А, дѣдушка, здравствуй!

— Здравствуйте.

— На зарю любуешься?

— Нѣтъ, жену дожидаюсь съ Петровскаго.

— А много, должно быть, лѣтъ тебѣ?

— Много.

— А сколько?

— Да вотъ годовъ семьдесятъ пять.

1 4 версты отъ Тургенева.

2 2 версты отъ него же.

3 Верстъ 10 отъ Спасскаго.

4 Версты 3 отъ Петровскаго.

— А что, ты помнишь Ивана Сергѣевича?

— И-и...—оживился внезапно старикъ. — Какъ не помнить? Да такихъ господъ, какъ онъ, не было и не будетъ. Ангелъ былъ, царство ему небесное, а не человѣкъ. Встрѣтитъ тебя, поговоритъ, разспроситъ про дѣла. А съ просьбою придешь, никогда не откажетъ.

Вотъ какіе отзывы приходится слышать отъ всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ о добромъ и расположенномъ къ людямъ сердцѣ Ивана Сергѣевича. Въ Спасскомъ живетъ бывшій лакей Ивана Сергѣевича, Петръ (онъ же Каллистратъ) Михайловичъ Перегримовъ, у него есть и земля, и пчельникъ. Безъ слезъ добрый старикъ не можетъ вспомнить своего бывшаго господина. Живо еще семейство Аѳанасія (фигурирующаго въ «Запискахъ охотника» подъ именемъ Ермолая). Иванъ Сергѣевичъ по смерть платилъ имъ 60 рублей въ годъ и давалъ провизію; теперь все это прекращено.

Сейчасъ же противъ воротъ, черезъ дорогу, находится кладбище, закрытое въ 1870 году. На немъ Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ выстроилъ мавзолей, въ которомъ и былъ погребенъ. Теперь мавзолей разрушается; войти въ него очень опасно: съ нависшаго потолка то-и-дѣло падаютъ кирпичи. Карнизъ осыпается. На каждой упавшей плитѣ по три буквы, высѣченныя весьма красиво, такъ что можно предположить, что по всему карнизу идетъ надпись.

Около мавзолея каменный памятникъ въ видѣ урны. На одной сторонѣ его стихотвореніе, которое теперь все разобрать нельзя. Вотъ что можно только прочитать:

«Тому, кто здѣсь лежитъ
спасать должна похвалы,
Но чтобы слухъ дѣлъ его повсюду простирался,
Что мужъ жилъ честно и скончался,
Училъ дитя, родителей покоилъ,
Примѣромъ былъ благимъ,
Сей памятникъ ему построилъ
Лутовинъ».

Этимъ стихотвореніемъ воспользовался Тургеневъ въ своемъ разсказѣ «Льговъ», такъ какъ въ этомъ селѣ такого памятника нѣтъ.

А на другой сторонѣ надпись гласитъ:

«Здесь лѣжитъ тело француза лотарингскава уроженца города Нанси Николая Этьенъ веней дефренъ въ Россию 1769 году приехалъ сканчался 1793 году июля 15 дня».

Съ третьей подъ короной иниціалы ND.

Съ четвертой два крыла и черепъ, лежащій на двухъ крестообразно положенныхъ костяхъ.

Стихотвореніе на памятникѣ невольно вызываетъ на размышленіе: одинъ изъ Лутовиновыхъ выразилъ свою признательность иностранцу за то, что онъ «дитя училъ»,—что же сдѣлали русскіе для своего гражданина, составляющаго гордость націи? Обиднѣе всего на орловцевъ, его земляковъ. Тургеневъ умеръ послѣднимъ изъ своего рода,—не служитъ ли это указаніемъ, что его любимое Спасское должно сдѣлаться достояніемъ всего народа русскаго, который онъ такъ горячо любилъ?

Школа, больница Тургеневскіе! Пока почти вся обстановка цѣла, можно было бы возстановить кабинетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при покойномъ, и пусть бы сюда пріѣзжали посѣтители. Какимъ бы живымъ примѣромъ для назиданія грядущимъ поколѣніямъ служило все это!

Разсказъ священника.

Я назначенъ былъ священникомъ въ Спасское, когда жива была еще мать Ивана Сергѣевича, Варвара Петровна.

Не знаю, чѣмъ объяснить, но только Иванъ Сергѣевичъ любилъ меня и всегда принималъ радушно. Часто я получалъ отъ него приглашеніе и тогда, когда у него собирались гости—почти всегда писатели.

Однажды, въ какомъ году не помню—давно вѣдь это было—приходитъ ко мнѣ камердинеръ Ивана Сергѣевича и передаетъ мнѣ приглашеніе своего барина.

Я собрался и пошолъ. Я попалъ въ самый разгаръ спора, предметомъ котораго, какъ я потомъ понялъ, былъ вопросъ о сверхъестественномъ. Въ комнатѣ, кромѣ хозяина, были Л. Н. Толстой, Аѳ. Аѳ. Фетъ; но былъ ли Я. П. Полонскій—теперь не помню.

Фетъ горячо доказывалъ, что иногда, случается что-то сверхъестественное, чего человѣкъ, несмотря на всѣ свои усилія, объяснить никакъ не можетъ. Иванъ Сергѣевичъ не менѣе горячо опровергалъ это.

Споръ все продолжался. Одинъ Левъ Николаевичъ не принималъ въ немъ никакого участія и во все время не проронилъ ни одного слова.

— Да какъ же вы, Иванъ Сергѣевичъ, не вѣрите, когда почти около васъ недавно былъ случай, опровергающій всѣ ваши доводы?—почти вскричалъ Фетъ.

Случай, о которомъ упомянулъ Фетъ, былъ такой. На каникулы къ одному изъ священниковъ пріѣхалъ сынъ изъ семи-

наріи. Понятно, семья его, угощая, засыпала вопросами. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ и уже поздній, ночь, можно сказать.

Вдругъ всѣ явственно услышали голосъ въ окно: «Иванъ!» (имя семинариста).

Кинулись къ окну—никого. Спустя нѣкоторое время зовъ повторился. Опять къ окну—нѣтъ никого. Послѣ третьяго зова священникъ-хозяинъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ какую-то удалявшуюся фигуру (какъ онъ, испуганный, передавалъ намъ по возвращеніи).

Ну-съ. На другой и третій вечеръ зовы повторились. Чуя въ этомъ что-то недоброе, онъ пригласилъ для совѣта всѣхъ знакомыхъ окружныхъ священниковъ.

Собрались отцы и, послѣ долгихъ совѣщаній—одинъ предлагалъ одно, другой—другое—остановились на слѣдующемъ: при наступленіи вечера, одинъ изъ священниковъ облачится, возьметъ въ руки крестъ и, какъ только раздастся зовъ, онъ, въ сопровожденіи остальныхъ священниковъ, выйдетъ на улицу. Такъ и сдѣлали. Подошло урочное время, и зовъ раздался. Тогда священники выходятъ на улицу и всѣ видятъ человѣческую фигуру, удаляющуюся отъ дома. Они за ней, но диво—несмотря на ускоренные шаги, разстояніе между ними и кѣмъ-то не уменьшается, а все остается одинаковымъ. Такъ прошли до самаго болота, которое находилось верстахъ въ двухъ отъ дома. Священники только что подошли къ окраинѣ болота, а силуэтъ уже былъ на срединѣ. И вотъ—видимъ мы—снопъ свѣта, всплескъ воды и видѣніе исчезло. Не помню, чѣмъ кончился споръ, но помню, Иванъ Сергѣевичъ горячился, Фетъ тоже, а Левъ Николаевичъ не проронилъ ни одного слова.

(Записанъ въ 1893 году).

2010515718